

Приложение

Северная война, Петр Великий и его преобразования в оценках русских дореволюционных историков и мыслителей. Дайджест

I. Северная война. Ништадтский мир. Внешняя политика Петра I

СОЛОВЬЕВ Сергей Михайлович

Великая Северная война прекратилась! Взглянем на ее значение. Как для развития отдельного человека необходимо, чтоб он покинул одиночество, узкую сферу и приобретал познания различными путями посредством учения, чтения, бесед с живыми людьми, путешествия, так и для целых народов необходимое условие развития состоит в покинутии одиночества, в расширении сферы умственной и практической деятельности посредством знакомства с новыми странами и народами, в общей жизни с ними, и, чем более стран и народов входит в эту общую жизнь, тем развитие их многообразнее и сильнее, богаче результатами. Вот почему в жизни человечества имеют великое значение те эпохи, когда для народов происходит расширение круга их деятельности, когда многие страны и народы каким бы то ни было способом соединяются для общей деятельности, для взаимного влияния друг на друга.

Так, в древнем мире, когда народы обыкновенно соединялись только путем насилия, завоевания, великое значение имеет деятельность Александра Македонского, соединившая западную и восточную цивилизацию; деятельность Рима, приведшая под одну державу народы древнего исторического мира. Древняя история оканчивается появлением на сцену новых стран, новых народов, бывших до тех пор за оградой исторического мира. В так называемой средней истории важнейшее по своим результатам явление есть знакомство западного мира с Востоком посредством крестовых походов.

Так называемая новая история начинается расширением сферы деятельности европейского человека чрез открытие Нового Света и новых путей в отдаленные части Старого. Через два века после этого новое великое, богатое результатами явление — восточная часть Европы, до сих пор мало известная, жившая одиноко, является на сцену, входит в общую жизнь Европы; европейская земля собирается (кроме Балканского полуострова).

Это новое расширение исторической сцены гораздо важнее, чем то, которое произошло в конце XV века и которым начинается новая история. Тогда европейский человек познакомился с новыми странами и народами, которые страдательно подчинились его влиянию; теперь же вошло в общую жизнь сильное европейско-христианское государство, представитель многочисленного европейского, исторического племени славянского, бывшего до сих пор под спудом. Если, входя в общую жизнь, Россия необходимо подчиняется влиянию других европейских народов, то, с другой стороны, при

условиях своей силы, она обнаруживает сильное влияние на судьбу других народов, на общую жизнь Европы. Это влияние высказалось впервые в Северной войне.

Чтоб понять роль России в этой войне, влияние, которое она оказала, и влияние, которое приняла (ибо одно нераздельно с другим при общей жизни и деятельности), надобно обратить внимание на то, в каком положении находилась тогда Европа.

С Вестфальского мира <...> на первый план выступают отношения чисто политические; движения, борьбы происходят оттого, что некоторые государства стремятся усилить себя на счет соседей, приобрести наибольшее влияние на дела Европы и встречают сопротивление в других; стремлениям к преобладанию, к гегемонии противопоставляется система политического равновесия. Важнейшие деятели этой эпохи, продолжающейся от Вестфальского мира до французской революции (1789 г.), суть четыре государя: Людовик XIV, Петр Великий, Фридрих II и Екатерина II. Значение России видно уже из того, что из четверых она дала двоих, и величайших, деятелей.

Франция вышла из средней истории в новую самым сильным, наиболее выгодно поставленным государством континентальной Европы и по характеру своего народонаселения устремилась немедленно воспользоваться своими выгодами, усилиться на счет Италии и Германии, получить гегемонию в Европе; в этих стремлениях она встречается с габсбургским домом, встречается с ним в Испании и Нидерландах, в Германии, Италии, встречается, вступает в борьбу, сдерживается. Новую политическую историю Западной, а потом и Восточной, всей Европы можно рассматривать как историю борьбы против преобладания Франции.

В то время, когда великий король Франции (Людовик XIV — прим. ред.) вступил в свою последнюю войну, войну за испанское наследство, в Европе Северо-Восточной загорается также страшная война. Как на западе против Франции образуется союз из императора, Англии и Голландии, так на северо-востоке образуется союз из России, Дании и польского короля (курфюрста саксонского) против Швеции, которая в последнее время играла на севере ту же роль, какую Франция играла на западе, так же стремилась здесь к преобладанию, обрывая соседей. Против опасного союза Швеция выставила короля-героя, победами которого приобрела новую славу, новое значение.

Но как Людовик XIV был самый блестящий из воинственных, истых королей Франции и вместе последний из них, так и Карл XII был последний из шведских королей-героев, утвердивших за Швецией важное значение на севере. Против Людовика XIV судьба дала союзникам великих полководцев — принца Евгения, герцога Мальборо; против Карла XII северные союзники не могли выставить никого вроде Евгения и Мальборо; но Россия выставила против него своего царя Петра, которого деятельность представляет противоположность с деятельностью и Людовика XIV, и Карла XII. И французский и шведский короли воспользовались прежде них бывшими, приготовленными для них средствами и вконец истощили их в своей блестящей деятельности. Для гениального царя ничего не было приготовлено, кроме убеждения в невозможности оставаться

при старом, кроме робких попыток ощупью пробраться к новому; Петр создал новые, могучие средства своею небывалою в истории деятельностью и вызовом сил народных к многообразной и напряженной деятельности.

Петр не был вовсе воинственный государь; его задача, необыкновенно ясно им сознанная, состояла в преобразовании, т. е. в приобретении новых, необходимых средств исторической жизни для своего народа; война была предпринята с тою же целью — с целью дать России место у северного Средиземного исторического моря, потому что Балтийское и Немецкое моря должно рассматривать как одно северное Средиземное море, соответствующее по важности своего значения для Северной Европы южному Средиземному морю. Ясно сознавая положение своего народа в семье других европейских народов, Петр смотрел на свою внутреннюю и внешнюю деятельность как на школу, которую должен был пройти народ для занятия достойного места.

Спокойно смотрел он на первые робкие шаги ученика в военной школе, какою была для русских Северная война; не смущался поражениями, потому что нехорошо, если постоянный успех избалует ученика; терпеливо рассчитывал на постепенность, медленность учения: сперва русские выучатся побеждать неприятеля малочисленного, имея на своей стороне превосходство числа, потом выучатся побеждать с равными, а наконец, и с меньшими силами. Такая скромность взгляда на свои средства, соединенная с неутомимою деятельностью для их увеличения, с железною волею, непоколебимым решением не оканчивать войны без приобретения морского берега, разумеется, должна была повести к успеху: средства России, несмотря на всю затруднительность, тяжесть положения и ропот на это, невидимо росли день ото дня; средства Швеции уменьшались день ото дня, и через 20 лет восточное Балтийское поморье находилось в русских руках; степной, восточный период русской истории кончился — морской, западный период начался. Впервые славяне после обычного отступления своего пред германским племенем на восток, к степям, повернули на запад и заставили немцев отдать себе часть берегов северного Средиземного моря, которое стало — было — Немецким озером.

Таково было главное следствие Северной войны: Швеция потеряла свое первенствующее положение на северо-востоке, которое заняла Россия; но этим не ограничивалось значение великого события. Занявшая место Швеции держава была держава новая, не участвовавшая прежде в общей европейской жизни, держава, приносившая европейской истории целый новый мир отношений, держава громаднейшая, которой границы простирались до Восточного океана и сходились с границами Срединной империи, держава славянская, держава, принадлежащая к восточной церкви, естественная представительница племен славянских, естественная защитница народов греческого исповедания. Давно история не видала явления, более обильного последствиями.

...Но какие бы благоприятные обстоятельства ни присоединялись к средствам царя и народа русского в Северной войне, война эта, окончившись таким блистательным миром

для России, изменяла положение Европы: подле Западной Европы для общей деятельности с нею явилась новая Европа, Восточная, что сейчас же отразилось в европейском организме, отозвалось всюду — от Швеции до Испании. Легко понять, какое чувство при известии о мире должно было овладеть русскими людьми, которые прошли «троевременную школу, так кровавую и жестокую и весьма опасную, и ныне такой мир получили не заслуженною от бога милостию». Чрез знакомство с европейскою цивилизациею, чрез сильное и быстрое расширение своей сферы, до тех пор столь узкой, они сознавали себя людьми новыми, живущими новою, настоящею жизнью; но при этом народное чувство их было вполне удовлетворено тем великим значением, какое они получили в этой гордой и недоступной им прежде Европе; не покорными только учениками явились они здесь, но самостоятельными и сильными участниками в общей деятельности, заняли почетное место, заставили относиться к себе с уважением. Напряженные усилия, тяжкие пожертвования были вознаграждены небывалою славою, неожиданными выгодами. Труд не пропал даром и был так блистательно оправдан. Так блистательно был оправдан великий человек, руководивший народ свой, знаменитый корабельный плотник, знаменитый шкипер, так искусно проводивший корабль свой чрез опасные места.

*(Соловьев С.М. История России с древнейших времен.
 В 29 томах. М. 2003. Том 17. Глава 3.)*

Чем сильнее становились слухи о скором и выгодном для России окончании ништадтских переговоров, тем сильнее со стороны австрийских министров становились заявления о желании дружбы и союза с царским величеством.

...Шёнборн говорил Ланчинскому: «Никакие государи такого доброго дела устроить не могут, как царь и цесарь, к пользе и тишине всего христианства. Когда эти два монарха соединятся, то никто на них не посягнет, и будет в Европе напрасных войн поменьше. Интересы обоих сходны, особенно против турок. Хотя было мнение, будто мы королю польскому хотим помогать в получении неограниченной власти, но оно не имело никакого основания, ибо как царскому, так и цесарскому величествам одинаково нужно, чтоб Польша оставалась в прежнем своем положении и вольности, а курфюрстов в королях и так довольно; если наша эрцгерцогиня вышла за саксонского принца, то из этого не следует, чтоб мы намерены были помогать ее мужу против собственных австрийских интересов. Но подозрение уже исчезло, и я не знаю, что бы могло теперь помешать нашему союзу?»

...Наступил сентябрь. Петр отправился в Выборг. 3 числа царь был на Лисьем носу, когда приехавший из Ништадта курьер подал ему бумаги; он распечатывает. «Всемилюстивейший государь! При сем к вашему царскому величеству всеподданнейше посылаем подлинный трактат мирный, который сего часу с шведскими министрами заключили, подписали и разменялись. Мы оный перевесть не успели, понеже на то время потребно было, и мы опасались, дабы между тем ведомость о заключении мира не пронеслась. <...> — Яков Брюс, Андрей Остерман. Августа 30 дня, в четвертом часу пополуночи».

Договор состоял из следующих статей:

- 1) вечный, истинный и неразрывный мир между царским величеством и его преемниками и его королевским величеством шведским и его преемниками.
- 2) С обеих сторон общая амнистия; из нее исключаются русские козаки-изменники, которые последовали за шведским войском.
- 3) Все неприятельские действия в четырнадцать дней по подписании договора, а если можно и прежде, прекращаются.
- 4) С шведской стороны уступаются царскому величеству и его преемникам в полное, неотрицаемое, вечное владение и собственность завоеванные царского величества оружием провинции: Лифляндия, Эстляндия, Ингрия, часть Карелии с дистриктом Выборгского лена, со всеми аппартиненциями и депенденциями, юрисдикциею, правами и доходами. Оные в вечные времена к Российскому государству присовокуплены быть и остаться имеют.

При этом пункте Брюс и Остерман заметили: «Понеже шведские министры отнюдь допустить не хотели, чтоб прежнее обязательство, дабы сии провинции никому иному не уступить, в сем артикуле осталось, того ради мы вместо того внесли, что сии провинции вечно к Российскому государству присовокуплены остаться имеют, в чем и то разумеется, что оные иному никому уступить невозможно; и хотя шведские министры на нашу экспрессию долго не позволяли, однакож мы напоследок их к тому склонили». Эта *экспрессия* нужна была против польских притязаний на Лифляндию.

- 5) Царское величество возвращает Швеции Великое княжество Финляндское, кроме той части, которая в разграничении выговорена. Сверх того, царское величество обещает королевскому величеству и государству Шведскому заплатить два миллиона ефимков.
- 6) Королевское величество имеет право в вечные времена свободно закупать хлеб в Риге, Ревеле и Аренсбурге ежегодно на 50000 рублей, беспошлинно, кроме тех чрезвычайных случаев, когда вывоз хлеба из России будет запрещен всем народам.
- 7) Его царское величество накрепчайше обещает, что он в домашние дела королевства Шведского, яко в форму правительства, и в акт наследства, от чинов государства единогласно соизволенные и присягою укрепленные, мешаться не будет, никому, кто б ни был, в том ни прямо, ни посторонне, каким ни есть образом не вспоможет, но паче к показанию истинной соседственной дружбы всему, что тому противно вознамеряется и его царскому величеству известно учинится, всяким образом мешать и упредить искать изволит.
- 8) Определяются границы.
- 9) Жители уступленных России провинций пользуются правами, какие они имели под шведским владычеством.
- 10) Жителям этих провинций не будет никакого принуждения в совести; евангелическая вера, церкви и школы будут содержаны, как прежде были под шведским владением; однако греческая вера впредь свободно и без помешания в оных также отправлена быть может.

- 11) Царское величество обещает, что каждый, хотя оный в земле или вне оной обретается, который справедливую претензию на маенности в Лифляндии, Эстляндии и на Эзеле имеет и оную надлежащим образом засвидетельствовать и доказать может, своим правом беспрекословно пользоваться и чрез немедленной розыск и изъяснение таких претензии до владения ему праведно принадлежащей маенности паки достичь имеет.
- 12) В Лифляндии, Эстляндии, на Эзеле, в Нарве и Выборге возвращаются прежним собственникам конфискованные во время войны земли и дома, также аренды, другим отданные, которых срок еще не прошел; но эти владельцы обязаны при вступлении во владение присягнуть на подданство царскому величеству; которые же не захотят присягнуть, тем дается трехгодичный срок для продажи своих имений.
- 13) Военнопленные освобождаются без выкупа, кроме желающих добровольно остаться и принявших в России греческую веру. То же разумеется о всех вывезенных во время войны людях.
- 14) Король и Речь Посполитая Польские, как союзники царского величества, именно в сей мир включаются; и так как на здешнем мирном конгрессе уполномоченных от них нет, то шведский король обещает, что он немедленно отправит своих уполномоченных в то место, о котором будет условлено с королем и Речью Посполитою Польскою, и под медиацию царского величества с ними вечный мир заключить изволит, однако так, чтоб в договоре ничего не было такого, что бы настоящему с Россиею заключенному миру было противно.
- 15) Свободная торговля между подданными обоих государств.
- 16) Послы будут сами себя содержать.
- 17) От стороны шведской король великобританский включается в сей мирный трактат, однако с предоставлением того, в чем его царское величество от его королевского величества великобританского себя иногда обижена находит, о чем прямо между его царским величеством и королем великобританским дружески трактовано и соглашено быть имеет

...В сепаратном артикуле было постановлено, что обещанные Россиею два миллиона ефимков выплачиваются по 500000 ефимков на четыре срока, последний в сентябре 1724 года. Брюс и Остерман писали царю: «Герцога голштинского мы наилучшим образом рекомендовали, и здесь пребывающие министры обнадеживают, что, когда случай придет, кроме него, никто иной выбран не будет, и с великими клятвами уверяют, что они, со всею своею фамилиею, никому иному, кроме него, не дадут голоса».

«Высокоблагородный и благородный, нам любезно верные! — писал Петр Брюсу и Остерману 10 сентября. — Отправленный от вас нашей гвардии капрал Обрезков в бытность нашу у Котлина-острова к нам прибыл с заключенным мирным трактатом, с которою всерадостною ведомостью мы сами в 4-й день сего месяца сюда прибыли и воздали всевысшему благодарение за такой благополучный мир, и тот от вас присланный трактат немедленно перевести велели, <...> и все пункты, в том трактате содержащиеся и чрез ваши труды постановленные, мы всемилостивейше апробовали».

От того же числа сохранилась засвидетельствованная Брюсом копия другого письма царского к уполномоченным: «Господа полномочные! Я намерен был ехать к Выборху для границ, но, приезжая к Дубкам, получил от вас уже подписанный и размененный трактат, которая нечаянная так скорая ведомость нас и всех зело обрадовала и что сия *трехвременная* жестокая школа такой благой конец получила. <...> Здесь выражение «трехвременная жестокая школа» объясняется письмом Петра к князю Василию Лукичу Долгорукому в Париж: «Все ученики науки в семь лет оканчивают обыкновенно; но наша школа троекратное время была (21 год), однакож, слава богу, так хорошо окончилась, как лучше быть невозможно».

*(Соловьев С.М. История России с древнейших времен.
В 29 томах. Книга IX. Том 17. Глава 3.)*

КЛЮЧЕВСКИЙ Василий Осипович

Он [Петр] хотел не заимствовать с Запада готовые плоды тамошней техники, а усвоить ее, пересадить в Россию самые производства с их главным рычагом — техническим знанием. <...> И во внешней политике он обратил все народные силы на разрешение вопроса, казавшегося ему наиболее важным для народного хозяйства, вопроса балтийского.

*(Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция LXVIII.
Значение реформы Петра Великого.)*

КОСТОМАРОВ Николай Иванович

30 августа 1721 года заключен был царскими послами окончательный Ништадтский мирный договор, прекративший долголетнюю Северную войну. Швеция уступила России в вечное владение Лифляндию, Эстляндию, острова Эзель, Даго и Мен, Ингерманландию, часть Корелии и Выборг в Финляндии, а остальная Финляндия, завоеванная Россией, возвращена была Швеции. Со своей стороны, Россия выплачивала два миллиона ефимков по срокам, обязывалась не вмешиваться в домашние дела шведского королевства и не помогать никому в достижении наследственных прав, вопреки воле чинов государства; все военнопленные освобождались без выкупа, кроме добровольно принявших в России православную веру. Трактат подписан был с русской стороны Брюсом и Остерманом, а с шведской — графом Лилиенстедтом и бароном Стрельфельдом. Молодой герцог голштинский должен был отказаться от надежды получить шведскую корону при пособии России.

...22 октября в Петербурге в соборной церкви Св. Троицы отправлялось торжество мира, окончившего долголетнюю и тяжелую Северную войну. Сначала прочитан был мирный трактат, потом архиепископ псковский изрек поучение, вслед за тем канцлер Головкин проговорил государю речь, после которой все бывшие тут сенаторы воскликнули: «Виват, виват, Петр Великий, отец отечества, император Всероссийский!» Обиль-

ная пальба из петербургской крепости, адмиралтейства, судов, стрельба из ружей, производимая 23 полками, все возвещало всеобщую радость. Петр говорил: «Зело желаю, чтоб наш весь народ прямо узнал, что Господь прошедшею войною и заключением мира нам сделал. Надлежит Бога всей крепостью благодарить; однако, надеясь на мир, не ослабевать в воинском деле, дабы с нами не так случилось, как с монархией греческой. Надлежит трудиться о пользе и прибытке общем, который нам Бог кладет перед очами как внутрь, так и во вне, отчего облегчен будет народ».

Торжественный праздничный обед устроен был в здании сената; к обеду приглашенных было до тысячи персон. По окончании стола был бал, продолжавшийся до ночи, а ночью фейерверк, изображавший храм Януса, из которого появился бог Янус с лавровым венком и масличной ветвью; из крепости дана была тысяча выстрелов, и вся Нева иллюминирована была потешными огнями. Царский пир окончился в три часа ночи «обношением всех гостей преизрядным токайским». Для простого народа устроены были два фонтана, из которых лилось белое и красное вино. Меншиков и два архиерея, от имени сената и синода, за все попечения и старания о благополучии государства, за то, что государь «изволил привести Всероссийское государство и народ в такую славу через единое свое руководство», просили царя принять титул «Отца Отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого». Государь отрекался от этой чести и принял ее как бы по усиленному прошению сенаторов.

Вслед за тем от сената установлена была форма титула: «Божьей милостью, мы Петр Первый, император и самодержец Всероссийский», а в челобитных: «Всепресветлейший, державнейший император, самодержец Всероссийский, отец отечества, государь всемилостивейший». Несколько дней после того продолжались веселые празднества. Царь устроил шумный маскарад, на который приглашено было более пятисот особ обоего пола.

Сам царь со своей семьей участвовал в этом маскараде и был одет голландским матросом-барабанщиком, а Екатерина была одета голландской крестьянкой с корзиной в руке. Ее придворные дамы изображали нимф, пастушек, арапок, монахинь и шутов. Шутовской князь-кесарь был одет в горностаевой мантии и окружен служителями в старорусской боярской одежде, а его жена явилась в красном, вышитом золотом, летнике, с толпой женщин в одежде старых боярынь. Князь-папа был на этом маскараде со всем своим всепьянейшим собором.

Веселое многодневное празднество в Петербурге было прервано 4 ноября большим наводнением Невы. Вода снесла мосты, опустошила с корнем деревья в садах, выбросила на сушу суда и шлюпки, затопила погреба и нанесла большие убытки купцам. Наводнения повторялись потом несколько раз, но уже не были так сильны, как в первый раз. Неизвестно, скольким человекам стоили жизни эти наводнения, но после них при дворе опять возобновились празднества, пиры, балы, концерты и великолепные разъезды по городу. Так было до самого отъезда царя в Москву.

По силе договора, всех шведских военнопленных приказано препроводить как можно скорее в военную коллегию, кроме поступивших на царскую службу или принявших православие. Шведов, женившихся на русских, но не принявших православия, приказано было отпустить в отечество без жен, давши им, однако, срок на год или на два одуматься и возвратиться в Россию. По всей России приказано было праздновать торжество заключения мира молебствиями. В ознаменование своей радости 4 ноября император высочайшим указом объявил генеральное прощение всем осужденным, а также сидящим в тюрьмах за государственные долги, амнистия не простиралась только на осужденных за неоднократные разбои. Все каторжники, у которых не были вырваны ноздри, могли определяться на службу и жить где угодно в России; прочие оставались в Сибири, но на свободе; тех, которые тайною канцеляриею были сосланы в дальние города, приказано перевести в ближайшие.

Попов и дьяконов, осужденных по суздальскому делу, соприкосновенному к процессу царевича Алексея, велено поставить у церквей в новопостроенных городах. Раскольников положено было оставить на прежнем основании, пока не обратятся в православие. В начале декабря царь со всем двором отправился в Москву, для чего велено было заготавливать подводы по дороге, а в самой Москве к царскому приезду построить трое триумфальных ворот: на Тверской, в Китай-городе у Казанского собора и на Мясницкой.

Восемь дней шло празднество; устроено было катанье на санях, на которых поставлены были изображения разных морских судов. Весь поезд начинался колесницею, на которой сидел Бахус; за эту колесницу ехали одни за другими сани в шутовской обстановке: те запряжены были медведями, другие — свиньями, третьи — собаками. Шутовской патриарх сидел на подобии трона и раздавал направо и налево благословения, а перед ним сидел отец Силен на бочке. Около колесницы патриарха ехали в кардинальских одеждах члены сумасброднейшего собора, сидя верхом на оседланных быках, а за ними следовал князь-кесарь в комическом виде, представлявший московского царя прежних времен.

Сам царь Петр, одетый моряком, сидел на изображении двухпалубного фрегата, уставленного на санях, запряженных шестью лошадьми. За ним — 24 саней, связанных одни с другими, нагруженные людьми, представляли огромную змею. Далее ехала государыня в одежде фрисландской крестьянки, в сопровождении придворных, разодетых африканцами. Затем следовали сани за санями, на которых поставлены были изображения судов, и на них сидели вельможи и иностранные посланники, приглашенные гостями на праздничное торжество. Все были одеты в маскарадное платье китайцами, персиянами, черкесами, индейцами, сибирскими инородцами, турками и разными европейскими народами, всякого звания и сословия. Весь этот поезд отправился к Меншикову — во дворец Лефорта, и гости прогуляли так целую ночь. После этого праздника недели две сряду отправлялись подобные гулянья. Кроме царя, угощали гостей пирами, балами, маскарадами и фейерверками Меншиков и голштинский герцог, ухаживавший в то время за дочерью царя. Все дела остановились во время всеобщего гулянья.

23 декабря сенат с Синодом порешили именовать царицу Екатерину — императрицей, а царских дочерей цесаревнами.

(Костомаров Н.И. История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Второй отдел. Господство дома Романовых до вступления на престол Екатерины II. Выпуск шестой. XVIII столетие.)

ПЛАТОНОВ Сергей Федорович

В своем стремлении овладеть берегами Балтийского моря Петр явился продолжателем политики всех предшествовавших ему московских царей. Страшную борьбу за Балтийское побережье выдержал Иван Грозный. То, что было потеряно при Грозном из русских земель на морском берегу, возвратил Москве царь Федор Иванович и снова потерял Василий Шуйский. Государи XVII в. не забывали этой утраты, утвержденной Столбовским договором 1617 г. При царе Алексее Михайловиче А. Л. Ордин-Нащокин особенно настаивал на мысли о необходимости пробиться к Балтийскому морю, именно к Рижскому заливу, для непосредственных морских сношений со средней Европой. Но в ту пору осуществление этой вековой мечты московских патриотов было еще невозможно: царь Алексей всего более был связан малороссийскими делами и борьбой с Речью Посполитой и Турцией. При Петре отношения на юге установились, и он естественно обратил свой порыв к Балтийским берегам, повинувшись стихийному стремлению Москвы на Запад.

(Платонов С.Ф. Учебник Русской истории для средней школы. Петроград. 1915. С. 276.)

Значение этого [Ништадтского] мира для Московского государства определяется кратко: Россия становилась главной державою на севере Европы, окончательно входила в круг европейских держав, связывала себя с ними общими политическими интересами и получала возможность свободного сообщения со всем Западом посредством новоприобретенных границ. Усиление политического могущества Руси и новые условия политической жизни, созданные миром, были поняты и Петром, и его сотрудниками. Во время торжественного празднования мира 22 октября 1721 года Сенат поднес Петру титул императора, отца отечества и Великого. Петр принял титул императора. Московское государство, таким образом, стало Всероссийской империей, и эта перемена послужила внешним знаком перелома, совершившегося в исторической жизни Руси.

(Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Петроград. 1917. С. 503-504.)

Тотчас по окончании Северной войны Петр начал новую войну — с Персией. <...> Таким образом, все войны, какие только вел в свое царствование Петр Великий, име-

ли своею целью приобретение морских берегов: черноморских (азовских), балтийских и каспийских. Гениальный политик рвался к морям, понимая, какое значение имеют моря в международных сношениях, в движении культуры.

(Там же. С. 285–286.)

Чтобы закончить обзор внешней политики Петра Великого, следует упомянуть о его отношении к Востоку. Всем известно, какое важное значение играл Восток в экономическом развитии Европы, как упорно стремились европейцы узнать пути к конечной цели торговых вождедений — Индии. <...> Петр, высоко ставивший торговлю как рычаг общественного благосостояния, не упустил из виду и торговли с Востоком. С 1715 года он старался производить разведки о водных путях в Азии, которые вели бы к Индии (с подобными целями были посланы в 1715 году Волинский в Персию, в 1716 году Бекович-Черкасский в Хиву). В конце концов Петр остановился на мысли о приобретении берегов Каспийского моря как базиса для азиатской торговли. С этой целью, как только кончена была шведская война, Петр объявил войну Персии. В 1722–1723 годах русские взяли Дербент и Баку. В начале кампании Петр сам был на театре войны, но в 1723 году вернулся в Петербург, где и заключен был осенью того же года мирный договор с Персией, по которому Россия приобрела взятые города и все западное побережье Каспийского моря.

*(Платонов С.Ф. Лекции по русской истории.
Петроград. 1917. С. 504.)*

II. Общая оценка деятельности Петра и его преобразований

КОСТОМАРОВ Николай Иванович

Петр, как историческая личность, представляет своеобразное явление не только в истории России, но в истории всего человечества всех веков и народов. Великий Шекспир своим художественным гением создал в Гамлете неподражаемый тип человека, у которого размышление берет верх над волею и не допускает осуществляться на деле желаниям и намерениям. В Петре не гений художника, понимающий смысл человеческой природы, а сама натура создала обратный тип — человека с неуправляемой и неутомимой волею, у которого всякая мысль тотчас обращалась в дело.

...Он отличался непостижимой для обыкновенных смертных переимчивостью. Не получив ни в чем правильного образования, он желал все знать и принужден был многому учиться не вовремя; однако русский царь был одарен такими богатыми способностями, что, при своей недолговременной подготовке, приводил в изумление знатоков, проводивших всю свою жизнь за тем, что Петр изучал только мимоходом. Все, что он ни узнавал, стремился применить к России, с тем, чтобы преобразовать ее в сильное европейское государство. Эту мысль лелеял он искренно и всецело в продолжение

всей своей жизни. Петр жил в такое время, когда России невозможно было оставаться на прежней избитой дороге и надобно было вступить на путь обновления. Как человек, одаренный умственным ясновидением, Петр сознал эту потребность своего отечества и принялся за нее со всею своею гигантскою волею. Петр был самодержавен, а в такой момент истории, в какой тогда вступила Россия, только самодержавие и могло быть пригодным.

Свободный республиканский строй никуда не годится в то время, когда нужно бывает изменять судьбу страны и дух ее народа, вырывать с корнем вон старое и насаждать новое. Понятно, что, привыкши к старому порядку вещей, участники правления не расстанутся с тем, что считают добрым и выгодным... Только там, где самодержавие безгранично, смелый владыка может отважиться на ломку и перестройку всего государственного и общественного здания.

Петру помогло более всего его самодержавие, унаследованное им от предков. Он создает войско и флот, хотя для этого требуется бесчисленное множество человеческих жертв и плодов многолетнего народного труда, — все приносится народом для этой цели, хотя собственно народ этого ясно не понимает и потому не желает; все приносится оттого, что так хочет царь. Налагаются невероятные налоги, высылаются на войну и на тяжелые работы сотни тысяч молодого здорового поколения для того, чтоб уже не возвратиться домой. Народ разоряется, нищает, зато Россия приобретает море, расширяются пределы государства, организуется войско, способное меряться с соседями.

...Но здесь и предел самодержавной власти Петра. Много новых учреждений и жизненных приемов внес преобразователь в Россию; новой души он не мог в нее вдохнуть; здесь его могущество оказалось столько же бессильно, каким было бы оно и тогда, когда бы у него явилось намерение превратить дно моря в пахотную землю или плавать на корабле по степи. Нового человека в России могло создать только духовное воспитание общества, и если этот новый духовный человек где-нибудь замечен в деяниях и стремлениях русского человека настоящего времени, то этим мы обязаны уж никак не Петру.

Во все продолжение своего царствования Петр боролся с предрассудками и злонравием своих подвластных, преследовал казнокрадов, взяточников, обманщиков, скорбел, что в России совершается не так, как бы ему хотелось. Сторонники его искали и теперь еще ищут всему этому причину в закоснелых пороках и недостатках старого русского человека. Но, приглядевшись к делу беспристрастнее, придется многое приписать и самому характеру действий Петра. Нельзя человека делать счастливым против собственной его воли и, так сказать, насиловать его природу. История показывает нам, что в обществе, управляемом деспотически, чаще и сильнее проявляются пороки, мешающие исполнению самых похвальных и спасительных предначертаний власти.

*(Костомаров Н.И. История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей.
Второй отдел. Господство дома Романовых до вступления на престол Екатерины II.
Выпуск шестой. XVIII столетие.)*

ПОГОДИН Михаил Петрович

Нынешняя Россия, то есть Россия европейская — дипломатическая, политическая, военная, Россия коммерческая, мануфактурная, Россия школьная, литературная — есть произведение Петра Великого. Какое бы явление в сих сферах гражданской жизни ни стали мы рассматривать, о каком бы учреждении ни стали мы рассуждать, все подобные исследования доводятся непременно до Петра Великого, у которого в руках концы всех наших нитей соединяются в одном узле. Куда мы ни оглянемся, везде встречаемся с этою колоссальною фигурою, которая бросает от себя длинную тень на все наше прошедшее и даже застит нам древнюю Историю, — которая в настоящую минуту все еще как будто держит свою руку над нами, и которой, кажется, никогда не потеряем мы из виду, как бы далеко ни ушли в будущем.

...В каком отношении Россия Петрова находится к России прежней, и не было ли б лучше, если б прежняя Россия была предоставлена естественному своему течению, или — если б преобразование было произведено не так быстро, не с таким насилием, или — если б произведено было преобразование иное?

...Говорят: Петр Великий, введя европейскую цивилизацию, поразил Русскую национальность — это самое главное и благовидное обвинение.

Допустим, сначала так, но — спрошу я обвинителей, возможно ли было России уклониться от европейской цивилизации, хотя б она имела для нас много неприличных, даже вредных свойств?

Россия есть часть Европы, составляет с нею одно географическое целое, и следовательно, по физической необходимости, должна разделять судьбу ее, и участвовать в ее движении, как планета повинуется законам своей солнечной системы. Может ли планета перескочить из одной сферы в другую? Может ли Россия оторваться от Европы? Волею и неволею, она должна была подвергнуться влиянию Европы, когда концентрические круги западного образования, распространяясь беспрестанно далее и далее, приблизились к ней, и начали ее захватывать. Назовите это образование, пожалуй, чумою, — но для такой чумы, самой тонкой, самой упругой не существует никаких застав, никаких карантинных, никаких таможенных, никаких преград.

...Преобразования Петровы были необходимы по естественному ходу вещей в самой России, не только в соседних государствах, в Европе.

С другой стороны, западная, европейская цивилизация, со всем ее добром и злом, достигла там до такой степени силы, что физически начала притягивать к себе Россию.

Итак, вопрос наш о преобразовании, или принятии западного элемента, получает теперь совсем иную форму, вот какую: могло ль необходимое столкновение, сближение России с Европою, произойти иначе? <...> Или нельзя было действовать и распоря-

жаться лучше Петра Великого? Нельзя ли было взять в руки этот меч обоюдоострый осторожнее, ловчее, искуснее Петра Великого? Кто осмелится отвечать на такой вопрос, кто скажет: можно? Не знаю, по крайней мере, не я. Я не берусь ни за что на свете предложить другой план Полтавского сражения, другой проект Ништадского мира.

Даже вопрос о бритве бороды и вопрос о Немецком платье я не осмеливаюсь, за Петрово время, решить безусловно, — так же как и о скорых мерах, жестокостях, казнях, кроме немногих случаев, где были виною более всего его темперамент и обстоятельство.

...Я обращаю внимание новых судей на прежние два периода преобразований, даже более внутренних, более глубоких, действительных, и обнимавших все сословия, а не одно какое-либо в особенности, которые как будто совсем позабываются ими: я говорю о Норманнах, коими из Славянского мирного, патриархального семейства образовано бранное государство, и о Монголах, коими потрясен был весь характер народный, и изменились все гражданские отношения. Тот и другой переворот были необходимы: нельзя было уклониться от Норманнов и оставаться в патриархальном состоянии; нельзя было укрыться от Монголов и сохранить формы времен средних; точно также нельзя было не подпасть Европейскому влиянию в XVIII веке, и счастье России, что на это время посылал ей Бог Петра Великого.

...Петр Великий есть сокровище Русской Истории, описанное подробно, но еще не исследованное, не оцененное во всех частях своих с точностию.

...И не одной Русской Истории принадлежит Петр Великий. Всеобщая История имеет полное право на этого сына судеб.

Скажу здесь несколько слов и о месте, которое там принадлежит ему.

Я говорил о западном образовании и его влиянии на нас со стороны отрицательной, — я осмелился даже сравнить оное с чумою, называл злом неизбежным, — но оно имеет свою сторону положительную, свое добро неотъемлемое. Два государства были в древнем мире, Римское и Греческое; на развалинах Римского государства основались все западные государства; Греческое представляется Россиею. Западные государства приняли Христианскую веру из Рима, Россия — из Константинополя, церковь Римская и Греческая. Образование западное отличается точно также от восточного: одному принадлежит исследование, другому — верование; одному — беспокойство, движение, другому — спокойствие, пребываемость; одному — неудовольствие, другому — терпение; стремление вне и внутрь, сила средобежная и средостремительная, человек западный и восточный. Оба эти образования, отдельно взятые, односторонни, неполны, одному недостает другого.

Они должны соединиться между собою, пополниться одно другим и произвести новое полное образование западо-восточное, Европейское-Русское.

Вот здесь лице Петра Великого получает для меня общеисторическое значение, как основателя соединению двух всемирных образований, как начинателя новой эпохи в Истории человечества! Вот здесь сердце мое начинает биться сильнее при сладостной мечте, что моему отечеству суждено явить миру плоды этого вождя, все-ленского просвещения и освятить Западную пытливость Восточною Верою.

Западное образование, принесенное Петром Великим, взяло у нас преимущество сначала над домашним национальным образованием, — и очень естественно: младшее государство в Европе, как младшее дитя в семействе, подвергается всегда влиянию старших. Но теперь мы начинаем освобождаться из-под этого насильственного ига Европейского; мы начинаем думать о собственных своих стихиях, пользоваться Европейским опытом, наукою, искусством, с рассуждением, не безусловно, откидывать ненужное для себя, неприличное, несвойственное, покушаемся выразить свою национальность в слове, в мысли, в деле, в жизни.

Император Александр, вступив в Париж, положил последний камень того здания, которого первый основной камень положен Петром Великим на полях Полтавских. Период русской Истории от Петра Великого до кончины Александра должно назвать периодом Европейским. С Императора Николая, который в одном из первых своих указов по вступлении на престол, повелел, чтоб все воспитанники, отправленные в чужие края, будущие Профессоры, были именно русские, — с Императора Николая, которого Министр, в троесловной своей формуле России, после православия и самодержавия поставил народность, — с Императора Николая, при котором всякое предприятие на пользу и славу отечества, предприятие русское принимается с благоволением, начинается новый период русской Истории, период национальный, которому, на высшей степени его развития, будет принадлежать, может быть, слава сделаться периодом в общей Истории Европы и человечества.

*(Впервые опубликовано: Погодин М.П. Историко-критические отрывки.
Петр Великий // Москвитянин. 1841. № 1.)*

КЛЮЧЕВСКИЙ Василий Осипович

...Вопрос о значении реформы Петра в значительной степени есть вопрос о движении нашего исторического сознания... Всякий, кто хотел взглянуть сколько-нибудь философским взглядом на наше прошлое, считал требованием ученого приличия высказать свое суждение о деятельности Петра. Часто даже вся философия нашей истории сводилась к оценке петровской реформы: посредством некоторого, как бы сказать, ученого ракурса весь смысл русской истории сжимался в один вопрос о значении деятельности Петра, об отношении преобразованной им новой России к древней. Реформа Петра становилась центральным пунктом нашей истории, совмещавшим в себе итоги прошлого и задатки будущего. С этой точки зрения по упрощенной систематизации

вся наша история делилась на два периода: на Русь древнюю, допетровскую, и Русь новую, петровскую и послепетровскую.

...По смерти преобразователя в обществе, захваченном реформой и обаянием его личности, долго господствовало отношение к его деятельности, которое можно назвать благоговейным культом Петра. <...> Ломоносов называл Петра человеком, Богу подобным, а Державин спрашивал: «Не бог ли в нем сходил с небес?» <...> «Но уже современники Державина, увлекавшиеся французской философией, начинали смотреть на дело Петра иначе. Умам, привыкшим к отвлеченным общественным построениям и к тончайшим сюжетам академической морали, не могла нравиться деятельность реформатора, посвященная самым конкретным мелочам военного дела и государственного хозяйства. Она должна была казаться им слишком низменной и материальной, недостойной ни ума, ни положения Петра. Такой взгляд любили выражать, сопоставляя реформу Петра I с деятельностью Екатерины II. <...> Тогдашнее великосветское общество, приветствовавшее столько философов на престоле, не любило царей в роли чернорабочих. Вопрос осложнился, когда в оценку реформы внесены были мотивы нравственный и национальный. Князь Щербатов в своей записке «О повреждении нравов в России» признает реформу Петра «нужной, но может быть излишней», отвечавшей народным нуждам, но слишком радикальной, не в меру многосторонней. Не довольствуясь потребными нововведениями — законодательными, военными, экономическими, просветительскими, Петр стремился исправить и частное общежитие, ввести людскость, смягчить грубые древние нравы, а это смягчение повело к распущенности и положило начало крайней порче нравов.

...Французская революция создала боязнь переворотов, старческую привязанность к старине, и Карамзин явился у нас ярким показателем этого поворота и смелым выразителем усталого консерватизма, которому чудилась революция в порывистой и нервной ломке, совершенной Петром. Некогда, в лета юности, исходя из космополитического тезиса, что все народное ничто перед человеческим, он прославлял просветительную реформу Петра и считал жалкими иеремиадами упреки Петру за изменение русского характера, за утрату русской нравственной физиономии. А 20 лет спустя в *Записке* о древней и новой России он сам стал жалким Иеремией, плакался, что начавшееся с царя Михаила изменение гражданских учреждений и нравов, постепенное, тихое, едва заметное, без порывов и насилия, вдруг прервано было порывистым подавлением духа народного, составляющего нравственное могущество государства, — насилие незаконное и для монарха самодержавного: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России — виною Петр!»

...В 30–40-х годах минувшего века оживился спор о древней и новой России. В отпор западникам, указывавшим России культурный путь, пройденный Западной Европой, на который Петр толкнул Россию, славянофилы, особенно Хомяков, повторяя прежние упреки, густо подчеркнули едва отмеченную еще Карамзиным вину реформы — в том, что она произвела разрыв в нравственной жизни русского народа, оторвав от него, от его преданий и обычаев, просвещенное общество, которое Хомяков сравнивал с европейской колонией, брошенной в страну дикарей.

...Научный вопрос о значении реформы Петра превращался в шумный журнальный и салонный спор о древней и новой России, об их взаимном отношении; смежные исторические периоды становились непримиримыми житейскими началами, историческая перспектива заменялась философско-историческими построениями двух противоположных культурных миров — России и Европы. Под такими впечатлениями начиналось научное изучение реформы и складывался взгляд на реформу у Соловьева, первого русского историка, который изобразил ее ход документально, в связи с общим движением нашей истории.

Прочтите окончательное изложение этого взгляда в конце III главы XVIII тома его *Истории*, вышедшего в 1868 г. <...> Вот главные черты этого взгляда. Никогда ни один народ не совершал такого подвига, какой был совершен русским народом под руководством Петра; история ни одного народа не представляет такого великого, многостороннего, даже всестороннего преобразования, сопровождавшегося столь великими последствиями как для внутренней жизни народа, так и для его значения в общей жизни народов, во всемирной истории.

Во внутренней жизни народа положены были новые начала политического и гражданского порядка. В политическом порядке пробуждена самодеятельность общества введением в управление коллегиального устройства, выборного начала и городского самоуправления, а введением присяги не только государю, но и государству впервые дано народу понятие о настоящем значении государства. В частной гражданской жизни приняты меры к ограждению личности: она освобождена от оков родового союза исключительным вниманием Петра к личной заслуге, подушной податью, запрещением браков по принуждению родителей или господ, выводом женщины из терема. Всемирно-исторические следствия реформы были: 1) вывод посредством цивилизации народа, слабого, бедного, почти неизвестного, на историческую сцену со значением сильного деятеля в общей политической жизни народов, 2) соединение обеих дотоле разобщенных половин Европы, восточной и западной, в общей деятельности посредством введения в эту деятельность славянского племени, теперь только принявшего деятельное участие в общей жизни Европы через своего представителя, через русский народ.

...Эти суждения сводятся к тому основному положению, что реформа Петра была глубоким переворотом в нашей жизни, обновившим русское общество сверху донизу, до самых его основ и корней, переворотом знаменитым, даже страшным, как называет его Соловьев; только одни считали этот переворот великой заслугой Петра перед человечеством, а другие великим несчастьем для России... Можно ли остановиться на этом взгляде? Думается, в нем не все ясно; возникает несколько спорных вопросов.

...Как относился Петр к Западной Европе? <...> Как он смотрел на отношение России к Западной Европе, видел ли он в последней всегдашний образец для первой, или западноевропейский мир имел для него лишь значение учителя, с которым расстаются по окончании выучки? Самой тяжелой потерей, понесенной Московским государством

в XVII в., Петр считал утрату земель прибалтийских, которая лишила Россию общения с просвещенными народами Запада. Но для чего нужно было это общение? Петра часто изображали слепым беззаветным западником, который любил все западное не потому, что оно было лучше русского, а потому, что оно было непохоже на русское, который хотел не сблизить, а ассимилировать Россию с Западной Европой. Трудно поверить, чтобы всегда расчетливый Петр был расположен к таким платоническим увлечениям... Он не питал к ней слепого или нежного пристрастия, напротив, относился к ней с трезвым недоверием и не обольщался мечтами о задушевных ее отношениях к России, знал, что Россия всегда встретит там только пренебрежение и недоброжелательство.

...Итак, сближение с Европой было в глазах Петра только средством для достижения цели, а не самой целью. Чего же хотел он добиться этим средством? <...> Петр заводил в России то, что он видел полезного на Западе и чего не было в России. У России не было регулярной армии — он сформировал ее; не было флота — он построил его; не было удобного морского пути для внешней торговли — он армией и флотом отвоевал восточный берег Балтийского моря; была слаба промышленность добывающая и почти отсутствовала обрабатывающая — после него осталось более 200 фабрик и заводов; для всего этого необходимо было техническое знание... Петр увеличил доходный бюджет в три слишком раза; недоставало рационально устроенной администрации, способной вести все эти сложные новые дела, — специалисты-иноземцы помогли учредить новое центральное управление. Это не все, что сделал Петр, но это именно то, что хотел он сделать с помощью Западной Европы. Техника военная, народнохозяйственная, финансовая, административная и техническое знание — вот обширная область, в которой работать и учить русских работе призывал Петр западного европейца.

...Трудовое поколение, которому достался Петр, работало не на себя, а на государство и после усиленной и улучшенной работы ушло едва ли не беднее своих отцов. Петр не оставил после себя ни копейки государственного долга, не израсходовал ни одного рабочего дня у потомства, напротив, завещал преемникам обильный запас средств, которыми они долго пробавлялись, ничего к ним не прибавляя. Его преимущество перед ними в том, что он был не должником, а кредитором будущего.

...Итак, Петр взял из старой Руси государственные *силы*, верховную власть, право, сословия, а у Запада заимствовал технические *средства* для устройства армии, флота, государственного и народного хозяйства, правительственных учреждений. Где же тут, спросите вы, коренной переворот, обновивший или искаживший русскую жизнь сверху донизу, давший ей не только новые формы, но и новые начала, благотворные или зловредные — все равно? Однако таково было впечатление современников реформы, передавших его и ближайшему потомству. Реформа если не обновила, то взбудоражила, взволновала русскую жизнь до дна не столько своими нововведениями, сколько некоторыми приемами, не характером своим, а темпераментом, если можно так выразиться. <...> реформа шла среди глухой и упорной внутренней борьбы, не раз шумно прорывавшейся: четыре страшных мятежа и три-четыре заговора — все выступали против нововведений, строились во имя старины, ее понятий и предрассудков.

Отсюда враждебное отношение Петра к отечественной старине, к народному быту, тенденциозное гонение некоторых наружных его особенностей, выражавших эти понятия и предрассудки.

...Итак, не преувеличивая и не умаляя дела Петра Великого, можно так выразить его значение. Реформа сама собою вышла из насущных нужд государства и народа, инстинктивно почувствованных властным человеком с чутким умом и сильным характером, талантами, дружно совместившимися в одной из тех исключительно счастливо сложенных натур, какие по неизведанным еще причинам от времени до времени появляются в человечестве. С этими свойствами, согретыми чувством долга и решимостью «живота своего не жалеть для отечества», Петр стал во главе народа, из всех европейских народов наименее удачно поставленного исторически. Этот народ нашел в себе силы построить к концу XVI в. большое государство, одно из самых больших в Европе, но в XVII в. стал чувствовать недостаток материальных и духовных средств поддержать свою восьмивековую постройку.

Реформа, совершенная Петром Великим, не имела своей прямой целью перестраивать ни политического, ни общественного, ни нравственного порядка, установившегося в этом государстве, не направлялась задачей поставить русскую жизнь на непривычные ей западноевропейские основы, ввести в нее новые заимствованные начала, а ограничивалась стремлением вооружить русское государство и народ готовыми западноевропейскими средствами, умственными и материальными, и тем поставить государство в уровень с завоеванным им положением в Европе, поднять труд народа до уровня проявленных им сил. Но все это приходилось делать среди упорной и опасной внешней войны, спешно и принудительно, и при этом бороться с народной апатией и косностью, воспитанной хищным приказным чиновничеством и грубым землевладельческим дворянством, бороться с предрассудками и страхами, внушенными невежественным духовенством.

Поэтому реформа, скромная и ограниченная по своему первоначальному замыслу, направленная к перестройке военных сил и к расширению финансовых средств государства, постепенно превратилась в упорную внутреннюю борьбу, взбаламутила всю застоявшуюся плесень русской жизни, взволновала все классы общества. Начатая и веденная верховной властью, привычной руководительницей народа, она усвоила характер и приемы насильственного переворота, своего рода революции. Она была революцией не по своим целям и результатам, а только по своим приемам. Это было скорее потрясение, чем переворот.

...Противоречия, в какие он поставил свое дело, ошибки и колебания, подчас сменявшиеся малообдуманной решимостью, слабость гражданского чувства, бесчеловечные жестокости, от которых он не умел воздержаться, и рядом с этим беззаветная любовь к отечеству, непоколебимая преданность своему делу, широкий и светлый взгляд на свои задачи, смелые планы, задуманные с творческой чуткостью и проведенные с беспримерной энергией, наконец, успехи, достигнутые неимоверными жертвами народа

и великими усилиями преобразователя, — столь разнородные черты трудно укладываются в цельный образ.

...Реформа Петра была борьбой деспотизма с народом, с его косностью. Он надеялся грозой власти вызвать самодеятельность в поработанном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства — это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешенная.

...Самовластие само по себе противно как политический принцип. Его никогда не признает гражданская совесть. Но можно мириться с лицом, в котором эта противоположенная сила соединяется с самопожертвованием, когда самовластец, не жалея себя, идет напролом во имя общего блага, рискуя разбиться о неодолимые препятствия и даже о собственное дело. Так мирятся с бурной весенней грозой, которая, ломая вековые деревья, освежает воздух и своим ливнем помогает всходам нового посева.

*(Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция LXVIII.
Значение реформы Петра Великого.)*

ПЛАТОНОВ Сергей Федорович.

Взгляды науки и русского общества на Петра Великого

В научных трудах очень часто XVIII и XIX вв. представляются особым периодом в историческом развитии нашей государственной жизни. Этому периоду усвоено несколько названий: одни зовут его «Императорским», другие «Петербургским», третьи просто называют это время новой русской историей.

Новую русскую историю обыкновенно начинают с так называемой эпохи преобразований нашего общественного быта. Главным деятелем этих преобразований был Петр Великий.

...Но деятельность Петра до сих пор не имеет в нашем общественном сознании одной твердо установленной оценки. На преобразования Петра смотрели разное его современники, смотрим разное и мы, люди XIX и начала XX в. Одни старались объяснить себе значение реформы для последующей русской жизни, другие занимались вопросом об отношении этой реформы к явлениям предшествовавшей эпохи, третьи судили личность и деятельность Петра с нравственной точки зрения.

Ведению историка подлежат, строго говоря, только две первые категории мнений, как исторические по своему существу. Знакомясь с ними, мы замечаем, что эти мнения

иногда резко противоречат друг другу. Происходят такие несогласия от многих причин: во-первых, преобразования Петра, захватывая в большей или меньшей степени все стороны древнерусской жизни, представляют собой такой сложный исторический факт, что всестороннее понимание его трудно дается отдельному уму. Во-вторых, не все мнения о реформах Петра выходят из одинаковых оснований. В то время как одни исследователи изучают время Петра с целью достичь объективного исторического вывода о его значении в развитии народной жизни, другие стремятся в преобразовательной деятельности начала XVIII в. найти оправдания тех или иных своих воззрений на современные общественные вопросы. Если первый прием изучения следует назвать научным, то второму всего приличнее название публицистического. В-третьих, общее развитие науки русской истории всегда оказывало и будет оказывать влияние на представления наши о Петре. Чем больше мы будем знать нашу историю, тем лучше мы будем понимать смысл преобразований.

...Не мы первые начали рассуждать о Петре Великом. Его деятельность уже обсуждали его современники. Их взгляды сменялись взглядами ближайшего потомства, судившего по преданию, понаслышке; а не личным впечатлением. Затем место преданий заняли исторические документы. Петр стал предметом научного ведения. Каждое поколение несло с собой свое особое мировоззрение и относилось к Петру по-своему. Для нас очень важно знать, как в различное время видоизменялось это отношение к Петру нашего общества.

Современники Петра считали его одного причиной и двигателем той новизны, какую вносили в жизнь его реформы. Эта новизна для одних была приятна, потому что они видели в ней осуществление своих желаний и симпатий, для других она была ужасным делом, ибо, как им казалось, подрывались основы старого быта, освященные старинным московским правоверием. Равнодушного отношения к реформам не было ни у кого, так как реформы задевали всех. Но не все одинаково резко выражали свои взгляды. Пылкая, смелая преданность Петру и его делу отличает многих его помощников; страшная ненависть слышится в отзывах о Петре у многих поборников старины. Первые доходят до того, что зовут Петра «земным богом», вторые не страшатся называть его антихристом. И те, и другие признают в Петре страшную силу и мощь, и ни те, ни другие не могут спокойно отнестись к нему, потому что находятся под влиянием его деятельности. И преданный Петру Нартов, двадцать лет ему служивший, и какой-нибудь изувер-раскольник, ненавидевший Петра всем своим существом, одинаково поражены Петром и одинаково не способны судить его беспристрастно. Когда умер Петр и кончилась его реформационная деятельность, когда преемники, не понимая его, часто останавливали и портили начатое им, дело Петра не умерло и Россия не могла вернуться в прежнее состояние. Плоды его деятельности — внешняя сила России и новый порядок внутри страны — были на глазах у каждого, а жгучая вражда недовольных стала воспоминанием. Но многие сознательно жившие люди и долго спустя после смерти Петра продолжали ему удивляться не меньше современников. Они жили в созданной им гражданской обстановке и пользовались культурой, которую он так старательно насаждал. Все, что они видели вокруг себя в общественной сфере, вело

начало от Петра. О Петре осталось много воспоминаний; о том же, что было до него, стали забывать. Если Петр внес в Россию свет просвещения и создал ее политическую силу, то до него, как думали, была «тьма и ничтожество». Так приблизительно характеризовал допетровскую Русь канцлер граф Головкин, поднося Петру титул императора в 1721 г. Он выразился еще резче, говоря, что гением Петра мы «из небытия в бытие произведены». В последующее время эта точка зрения замечательно привилась: Ломоносов называл Петра «богом», ходячее стихотворение звало его «светом» России. Петра считали творцом всего, что находили хорошего вокруг себя. Видя во всех сферах общественной жизни начинания Петра, его силы преувеличивали до сверхъестественных размеров. Так было в первой половине XVIII в.

...Но не все, что было в России после Петра, было хорошо. Не всем, по крайней мере, оставались довольны мыслящие люди XVIII в. Они видели, например, что усвоение западноевропейской образованности, начатое при Петре, превращалось часто в простое переименование культурной внешности. Они видели, что знакомство с Западом с пользой приносило к нам часто и пороки западноевропейского общества. Далеко не все русские люди оказывались способными воспринять с Запада здоровые начала его жизни и оставались грубыми варварами, соединяя, однако, с глубоким невежеством изящную внешность европейских щеголей. Во всех сатирических журналах второй половины XVIII в. мы постоянно встречаем нападки на этот разлад внешности и внутреннего содержания. Раздаются голоса против бестолкового заимствования западных форм. Вместе с тем развитие исторических знаний позволяет уже людям XVIII в. оглянуться назад, на допетровское время. И вот многие передовые люди (князь Щербатов, Болтин, Новиков) темным сторонам своей эпохи противопоставляют светлые стороны допетровской поры. Они не развенчивают деятельности Петра, но и не боготворят его личности. Они решаются критиковать его реформу и находят, что она была односторонней, привила нам много хорошего со стороны, но отняла от нас много своего хорошего. К такому выводу они приходят путем изучения прошлого, но это изучение далеко не спокойно; оно вызвано недостатками настоящего и идеализирует прошлую жизнь. Однако эта идеализация направлена не против самого Петра, а против некоторых последствий его реформы. Личность Петра и в конце XVIII в. окружена таким же ореолом, как и в начале столетия. Императрица Екатерина относится к нему с глубоким уважением. Находятся люди, посвящающие всю свою жизнь собранию исторического материала, служащего к прославлению Петра, — таков купец Голиков.

Во второй половине XVIII в. зарождается уже наука русской истории. Но историки того времени или усердно собирают материалы для истории (как Миллер), или заняты исследованием древнейших эпох русской жизни (Ломоносов, Байер, Штриттер, Татищев, Щербатов, Шлецер). Петр еще вне пределов их ведения. Первую научную оценку получает он от Карамзина. Но Карамзин как историк принадлежит уже XIX веку. Ученый по критическим приемам, художник по натуре и моралист по мировоззрению, он представлял себе русскую историческую жизнь как постепенное развитие национально-государственного могущества. К этому могуществу вел Россию ряд талантливых деятелей. Среди них Петру принадлежало одно из самых первых мест: но, читая «Исто-

рию государства Российского» в связи с другими историческими трудами Карамзина, вы замечаете, что Петру как деятелю Карамзин предпочитал другого исторического деятеля — Ивана III. Этот последний сделал свое княжество сильным государством и познакомил Русь с западной Европой безо всякой ломки и насильственных мер. Петр же насильствовал русскую природу и резко ломал старый быт. Карамзин думал, что можно было бы обойтись и без этого. Своими взглядами Карамзин стал в некоторую связь с критическими воззрениями на Петра упомянутых нами людей XVIII в. Так же, как они, он не показал исторической необходимости петровских реформ, но он уже намекал, что необходимость реформы чувствовалась и ранее Петра. В XVII в., говорил он, сознавали, что нужно заимствовать с Запада; «явился Петр» — и заимствование стало главным средством реформы. Но почему именно «явился Петр», Карамзин еще не мог сказать.

В эпоху Карамзина началось уже вполне научное исследование нашей старины (Карамзину помогали целые кружки ученых людей, умевших не только собирать, но и исследовать исторический материал). Вместе с тем в первой половине XIX в. в русском обществе пробуждалась сознательная общественная жизнь, распространялось философское образование, рождался интерес к нашему прошлому, желание знать общий ход нашего исторического развития. Не будучи историком, Пушкин мечтал поработать над историей Петра. Не будучи историком, Чаадаев принялся размышлять над русской историей и пришел к печальному выводу, что у нас нет ни истории, ни культуры.

Обращаясь к прошлому, русские образованные люди не имели специальных исторических знаний и вносили в толкование прошлого те точки зрения, какие почерпали в занятиях немецкой философией. Германская метафизика XIX в. очень влияла на русскую образованную молодежь, и особенно метафизическая система Гегеля. Под влиянием его философии в 30-х и 40-х годах в России образовались философские кружки, вырабатывавшие цельное мировоззрение и имевшие большое влияние на умственную жизнь русского общества середины XIX в. В этих кружках принципы германской философии применялись к явлениям русской жизни и вырабатывалось, таким образом, историческое мирозерцание. Самостоятельная мысль этих «людей 40-х годов», отправляясь отданных германской философии, приходила к своим особым выводам, у разных лиц не одинаковым. Все последователи Гегеля между прочими философскими положениями выносили из его учения две мысли, которые в простом изложении выразятся так: первая мысль — все народы делятся на исторические и неисторические, первые участвуют в общем мировом прогрессе, вторые стоят вне его и осуждены на вечное духовное рабство; другая мысль — высшим выразителем мирового прогресса, его верхней (последней) ступенью, является германская нация с ее протестантской церковью. Германско-протестантская цивилизация есть, таким образом, последнее слово мирового прогресса. Одни из русских последователей Гегеля вполне разделяли эти воззрения; для них поэтому древняя Русь, не знавшая западной германской цивилизации и не имевшая своей, была страной неисторической, лишенной прогресса, осужденной на вечный застой. Эту «азиатскую страну» (так называл ее Белинский) Петр Великий своей реформой приобщил к гуманной цивилизации, создал ей возможность прогресса.

До Петра у нас не было истории, не было разумной жизни. Петр дал нам эту жизнь, и потому его значение бесконечно важно и высоко. Он не мог иметь никакой связи с предыдущей русской жизнью, ибо действовал совсем противоположно ее основным началам. Люди, думавшие так, получили название «западников». Они, как легко заметить, сошлись с теми современниками Петра, которые считали его земным богом, произведшим Россию из небытия в бытие.

Но не все люди 40-х годов думали так. Некоторые, принимая теорию мирового прогресса Гегеля, по чувству патриотизма возмущались его мнением, что германская цивилизация есть последняя ступень прогресса и что славянское племя есть неисторическое племя. Они не видели причины, почему прогресс должен остановиться на германцах; из истории они выносили убеждение, что славянство было далеко от застоя, имело свое историческое развитие, свою культуру. Эта культура была самостоятельна и отличалась от германской в трех отношениях: 1) На Западе, у германцев, христианство явилось в форме католичества и затем протестантства; на Востоке, у славян, — в форме православия. 2) Древнеклассическую культуру германцы восприняли из Рима в форме латинской, славяне — из Византии в форме греческой. Между той и другой культурой есть существенные различия. 3) Наконец, государственный быт в древнегерманских государствах сложился путем завоевания, у славян, и у русских в частности, — путем мирным; поэтому в основании общественных отношений на Западе лежит вековая вражда, а у нас ее нет. Самостоятельное развитие этих трех начал составляло содержание древнерусской жизни. Так думали некоторые более самостоятельные последователи германской философии, получившие название «славянофилов». Наибольшего развития самостоятельная русская жизнь достигла в эпоху Московского государства. Петр нарушил это развитие. Он своей насильственной реформой внес к нам чуждые, даже противоположные начала западной германской цивилизации. Он повернул правильное течение народной жизни на ложную дорогу заимствований. Он не понимал заветов прошлого, не понимал нашего «национального духа». Чтобы остаться верным этому национальному духу, мы должны отречься от чуждых западноевропейских начал и возвратиться к самобытной старине. Тогда, сознательно развивая национальные наши начала, мы своей цивилизацией можем сменить германскую и станем в общем мировом развитии выше германцев.

Таковы воззрения славянофилов. Петр, по их мнению, изменил прошлому, действовал против него. Славянофилы ставили высоко личность Петра, признавали пользу некоторых его дел, но считали его реформу не национальной и вредной в самом ее существе. У них, как и у западников, Петр был лишен всякой внутренней связи с предшествовавшей ему исторической жизнью.

Вы, конечно, уже заметили, что ни одно из рассмотренных нами воззрений на Петра не было в состоянии указать и объяснить внутреннюю связь его преобразований с предыдущей историей. Даже Карамзин не шел далее смутного намека. Эту связь Петра с прошлым уловил чутьем в 40-х годах Погодин, но не ранее как в 1863 г. он мог высказать об этом свои мысли. Причиной этому был отчасти недостаток истори-

ческого материала, отчасти отсутствие у Погодина цельного исторического мирозерцания.

Такое мирозерцание было внесено в наши университеты в конце 40-х годов. Носителями новых исторических идей были молодые ученые, воззрения которых на нашу историю в то время назывались «теорией родового быта». Впоследствии же эти ученые стали известны под собирательным именем «историко-юридической школы». Они первые установили мысль о том, что реформы Петра явились необходимым следствием всего исторического развития русской жизни.

...Первыми сделали это в своих лекциях и печатных трудах профессора Московского университета С. М. Соловьев и К. Д. Кавелин. Они думали показать в русской исторической жизни органическое развитие тех начал, которые были даны первоначальным бытом нашего племени. <...> Петр Великий своими реформами отвечал на требования национальной жизни, которая к его времени развилась уже до государственных форм бытия. Стало быть, деятельность Петра вытекла из исторической необходимости и была вполне национальна.

Так, в первый раз была установлена органическая связь преобразований Петра с общим ходом русской истории.

...Стараясь сыскать это непосредственное преемство, как сами Соловьев и Кавелин, так и их последователи историки-юристы, обращаясь к изучению допетровской эпохи, склонны были думать, что Россия в XVII в. дожила до государственного кризиса. <...> Таким образом, преобразования Петра представлялись естественной исторической необходимостью, они были тесно связаны с предыдущей эпохой, однако только с темными, отрицательными ее сторонами, только с кризисом старого строя.

Но такое понимание исторического преемства между старой Русью и реформой в последние десятилетия заменилось другим. Новую точку зрения внес в науку тот же Соловьев. <...> Говоря о критическом положении Московского государства в XVII в., Соловьев не ограничивается только указанием на явление этого кризиса, но замечает, что государи XVII в. для удовлетворения новых нужд государства начали ряд *преобразований*. ...Таким образом Петр не только получил от старого порядка одно сознание необходимости реформ, но имел предшественников в этом деле, действовал ранее намеченными путями. Словом, он решал старую, не им поставленную задачу, и решал ранее известным способом. Позднее Соловьев блистательно развил такой взгляд в своих «Чтениях о Петре Великом» в 1872 г. <...> «Народ собрался в дорогу, — заканчивает он, — и ждал вождя»; этот вождь явился в лице Петра Великого.

Высказанный после долгого и пристального изучения фактов, этот взгляд Соловьева поражает и глубокой внутренней правдой, и мастерством изложения. <...> Петр — подражатель старого движения, знакомого Древней Руси. В его реформе и направлении, и средства не новы — они даны предшествовавшей эпохой. Нова в его реформе

только страшная энергия Петра, быстрота и резкость преобразовательного движения, беззаветная преданность идее, бескорыстное служение делу до самозабвения. Ново только то, что внес в реформу личный гений, личный характер Петра. Такая точка зрения дала теперь полное историческое содержание мысли об органической связи реформы Петра с общим ходом русской жизни.

...Идея Соловьева дала направление и многим частным историческим исследованиям. Исторические монографии о XVII в. и времени Петра констатируют теперь связь преобразований с предыдущими эпохами и в отдельных сферах древнерусской жизни. <...> Увлекаясь этой точкой зрения, некоторые исследователи склонны даже преуменьшать значение самого Петра в преобразованиях его эпохи и представлять эти преобразования как «стихийный» процесс, в котором сам Петр играл пассивную роль бессознательного фактора. У П. Н. Милюкова в его трудах о петровской реформе («Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра В.» и «Очерки по истории русской культуры») находим ту мысль, что реформа часто «из вторых рук попадала в сознание преобразователя», бессильного удержать ход дела. <...> Нечего и говорить, что такого рода взгляд есть крайность, не разделяемая последующими исследователями преобразований.

Итак, научное понимание Петра Великого основывается на мысли, полнее и справедливее всего высказанной Соловьевым.

...Но если наша историческая наука пришла к воззрению на Петра, более или менее определенному и обоснованному, то в нашем обществе еще не выработалось однообразного и прочного отношения к его преобразованиям.

...Если мы еще раз мысленно переберем все старые и новые взгляды на Петра, то легко заметить, как разнообразны они не только по содержанию, но и по тем основаниям, из которых вытекали. Современники и ближайшее потомство Петра, лично задеты реформой, судили о нем беспокойно: в основании их отзывов лежало чувство или крайней любви, или ненависти. Чувство столько же руководило и теми людьми XVIII в., которые, как Щербатов, грустно смотрели на развращение современных нравов и считали его плохим результатом резкой реформы. Все это — оценки скорее всего публицистического характера. Но в основе карамзинского взгляда лежало уже отвлеченное моральное чувство: ставя Ивана III выше Петра, он насильственные приемы Петра при проведении преобразований осуждал с высоты моральной философии. В воззрениях западников и славянофилов наблюдаем опять новое основание — отвлеченное мышление, метафизический синтез. Для них Петр менее — историческое лицо и более — отвлеченное понятие. Петр — как бы логическая посылка, от которой можно идти к тем или другим философским заключениям о русской истории. От влияния метафизики не свободны и первые шаги исследователей историко-юридической школы; но фактическое изучение нашей истории, которое производилось ими очень добросовестно, дало нашим ученым возможность избавиться от предвзятых доктрин. Руководимые фактами, стремясь к строго научному выводу, они создали научное отно-

шение к эпохе Петра Великого. Это научное отношение будет, конечно, далее развиваться в нашей науке. Но уже теперь плодом его является возможность основательно и свободно судить о Петре. Его личность не оторвана от родной его почвы, он для нас уже не Бог и не антихрист, он — определенное лицо, с громадными силами, с высокими достоинствами, с человеческими слабостями и недостатками. Мы теперь вполне понимаем, что его личность и пороки — продукт его времени, а его деятельность и исторические заслуги — дело вечности.

(Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории.
Часть III.)

ПЛАТОНОВ Сергей Федорович. Историческое значение деятельности Петра

Реформы Петра по своему существу и результатам не были переворотом; Петр не был царем-революционером, как его иногда любят называть.

Прежде всего деятельность Петра не была переворотом политическим: во внешней политике Петр строго шел по старым путям, боролся со старыми врагами, достиг небывалого успеха на Западе, но не упразднил своими успехами старых политических задач по отношению к Польше и к Турции. Он много сделал для достижения заветных помыслов Московской Руси, но не доделал всего. Покорение Крыма и разделы Польши при Екатерине II были следующим шагом вперед, который сделала наша нация, чем прямо продолжено было дело Петра и старой Руси. В политике внутренней Петр недалеко ушел от XVII века. Государственное устройство осталось прежним: полнота верховной власти, сформулированная царем Алексеем в словах Деяний апостольских, получила более пространное определение при Петре в регламенте воинском, в указах, наконец, в философских трактатах Феофана Прокоповича. Земское самоуправление, не имевшее политического характера и имевшее характер сословный до Петра, осталось таким и при Петре. Над органами сословного самоуправления, как и раньше, стояли учреждения бюрократического характера, и хотя формы администрации были изменены, общий тип ее остался неизменным, как было и до Петра: смешение начал личного с коллегиальным, бюрократического с сословным.

Деятельность Петра не была и общественным переворотом. Государственное положение сословий и их взаимные отношения не потерпели существенных изменений. Прикрепление сословий к государственным повинностям осталось во всей силе, изменился только порядок исполнения этих повинностей. Дворянство при Петре не достигло еще права владения людьми как сословной привилегии, а владело крестьянским трудом лишь на том основании, что нуждалось в обеспечении за свою службу. Крестьяне не потеряли прав гражданской личности и не считались еще полными крепостными. Жизнь закрепощала их все более, но, как мы видели, началось это еще до Петра, а окончилось уже после него.

В экономической политике Петра, в ее задачах также нельзя видеть крутого переворота, Петр ясно определил ту задачу, к решению которой неверными шагами шли и до него, — задачу поднятия производительных сил страны. Его программа развития национальной промышленности и торговли была знакома в XVII веке: теоретически — Крижаничу, практически — Ордыну-Нащокину. Результаты, достигнутые Петром, не поставили народное хозяйство на новое основание. Главным источником народного богатства и при Петре остался земледельческий труд, и Россия, имея после Петра более двухсот фабрик и заводов, была все-таки земледельческой страной с очень слабым торговым и промышленным развитием.

И в культурном отношении Петр не внес в русскую жизнь новых откровений. Старые культурные идеалы были тронуты до него; в XVII веке вопрос о новых началах культурной жизни стал резко выраженным вопросом. Царь Алексей отчасти и царь Феодор вполне являлись уже представителями нового направления. Царь Петр в этом прямой их преемник. Но его предшественники были ученики киевских богословов и схоластиков, а Петр был ученик западноевропейцев, носителей протестантской культуры. Предшественники Петра мало заботились о распространении своих знаний в народе, а Петр считал это одним из главных своих дел. Этим он существенно отличался от государей XVII века. Итак, Петр не был творцом культурного вопроса, но был первым человеком, решившимся осуществить культурную реформу. Результаты его деятельности были велики: он дал своему народу полную возможность материального и духовного общения со всем цивилизованным миром. Но не следует, однако, преувеличивать этих результатов. При Петре образование коснулось только высших слоев общества, и то слабо; народная же масса осталась, при своем старом мировоззрении.

Если, таким образом, деятельность Петра не вносила по сравнению с прошлым ничего радикально нового, то почему же реформы Петра приобрели у потомства и даже современников Петра репутацию коренного государственного переворота? Почему Петр, действовавший традиционно, в глазах русского общества стал монархом-революционером?

На это есть две категории причин. Одна — в отношении общества к Петру, другая — в самом Петре.

На русское общество реформы Петра, решительные и широкие, произвели страшное впечатление после осторожной и медлительной политики московского правительства. В обществе не было того сознания исторической традиции, какое жило в гениальном Петре. Близорукие московские люди объясняли себе и внешние предприятия, и внутренние нововведения государя его личными капризами, взглядами и привычками. Частные нововведения они противоплавали частным же обычаям старины и выносили убеждение, что Петр безжалостно рушил их старину. За разрушенными и введенными вновь частностями общественного быта они не видели общей сущности старого и нового. <...> Видоизменения старого порядка они считали за полное его уничтожение.

Такому впечатлению современников содействовал и сам Петр. Его поведение, вся его манера действовать показывали, что Петр не просто видоизменяет старые порядки, но питает к ним страстную вражду и борется с ними ожесточенно. Он и улучшал старину, и гнал ее, и принудительно заменял новыми порядками. Это беспокойное отношение к своему делу, боевой характер деятельности, ненужные жестокости, принудительность и строгость мероприятий, — все это явилось у Петра как результат впечатлений его детства и молодости. <...> В этом объяснение тех особенностей в реформационной деятельности Петра, которые сообщили его реформе черты резкого, насильственного переворота. Однако по существу своему реформа эта не была переворотом.»

*(Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории.
Часть III.)*

Лев Александрович ТИХОМИРОВ

Государственные принципы всякого народа тесно связаны с его национальным самосознанием, с его представлениями о целях своего существования. В России эти цели национального существования представлялись в очертаниях недостаточно ясных, хотя окутанных сознанием некоторого великого назначения «третьего Рима». Но в этих смутных очертаниях значения нашей Верховной власти мы немного различали сознательно как до Петра, так и после него.

Даже до настоящего времени, несмотря на появление славянофилов и ряда близких к ним умов, как Данилевский, Достоевский, Катков, Леонтьев, Владимир Соловьев, несмотря на официальное признание формулы «православие, самодержавие, народность», в нашей философии государственного права монархия и самодержавие остаются ничуть не более ясны, нежели в Западной Европе. Так было и раньше.

У нас решительно нет ни одной эпохи, в которую бы нас не уродовала недостаточная сознательность нашего политического принципа. Эпоха Петра Великого представила особенно наглядный пример несознания основного нашего принципа государственности.

Самодержавный инстинкт Петра поистине велик, но повсюду, где требуется самодержавное сознание, он совершает иногда поразительные подрывы своего собственного принципа. Инстинкт редко обманывает Петра в чисто личном вопросе: как он должен поступить, как монарх? Но когда ему приходилось намечать действие монарха вообще, т. е. в виде постоянных учредительных мер, Петр почти всегда умел решить вопросе только посредством увековечения своей временной частной меры.

Принцип есть отвлечение того общего, что объединяет частные меры и что, следовательно, приложимо ко всем разнообразным случаям практики. Этого-то прин-

ципа у Петра и не видно. Он гениальным монархическим чутьем знал, что должен сделать он, и оказывался беспомощен в определении того, что должно делать вообще. Поэтому-то он своим личным примером укрепил у нас монархическую идею, как, может быть, никто, и в то же время всеми действиями, носившими принципиальный характер, подрывал ее беспощадно.

Излишне повторять, что в основной задаче своей Петр Великий был безусловно прав и был великим русским человеком. Он понял, что, как монарх, как носитель царского долга, имел обязанность бестрепетно взять на свои плечи тяжкую задачу: привести Россию возможно быстрее к возможно полному обладанию всеми средствами европейской культуры. Это составляло для России вопрос «быть или не быть». Страшно даже подумать, что было бы, если бы мы не сравнялись с Европой до конца XVIII века. Мы и при Петровской реформе попали в доселе длящуюся кабалу к иностранцам, но без этой реформы, конечно, утратили бы национальное существование, если бы дожили в варварском бессилии своем до времен фридрихов великих, Французской революции и эпохи экономического завоевания Европой всего мира. Петр, железной рукой принудивший Россию учиться и работать, был, конечно, спасителем всего национального будущего.

Петр был прав и в своих насильственных мерах.

...Петр был безусловно прав и заслужил вечную благодарность Отечества за то, что употребил весь свой царский авторитет и власть на то, чтобы создать жесточайшую диктатуру и силой двинуть страну вперед, и за слабость ее средств закабалить всю нацию на службе целям государства. Другого исхода не было для спасения России.

Но Петр был прав только для себя, для своего момента и для своего дела. Когда же эта система закабаления народа государству возводится в принцип, она становится убийственной для нации, уничтожает все родники самостоятельной жизни народа. Петр же не обозначил никаких пределов установленному им всеобщему закрепощению государства, не принял никаких мер к тому, чтобы временная система не стала постоянной, не принял мер даже к тому, чтобы закрепощенная Россия не попала в руки к иностранцам, как это и вышло тотчас после его смерти.

...Церковная политика Петра столь же и даже более характеристична, чем национальная.

Здесь повторяется та же черта: он временную необходимую меру превращал в постоянный зловредный принцип.

Значительная доля иерархии, без сомнения, была враждебна реформе Петра и мешала ей своим влиянием на народ. Петр имел право, как самодержец, принять меры к обузданию всякого сопротивления. Но он перешел в этом всякие границы.

...Он, как царь, мог не слушать епископов или казнить их. Но перестраивать Церковь для подчинения ее государству не имел ни малейшего права.

Он вместо охраны своей самостоятельности, посягнул на самостоятельность Церкви, и притом уже в конце царствования, когда провел сближение с Европой до конца и когда ни один сколько-нибудь проникательный человек не мог даже и вообразить, чтобы Россия свернула с установленного пути просвещения.

...Наш известный канонист А. С. Павлов при всей осторожности в выражениях говорит: «Взгляд Петра Великого на Церковь, как на служебную силу государства, образовался под влиянием протестантской канонической системы».

Петр, впрочем, сам определил отношения Синода к царской власти: «Синод в духовных делах имеет такую же власть, как Сенат в мирских». «Таким образом, — замечает А. С. Павлов, — во главе Церкви, по законодательству Петра, стоит та же самодержавная власть, что и во главе государства» (стр. 508).

...Сто лет после Петра при составлении основных законов православная вера признана господствующей... Но если мы, оставаясь православными, не могли явно и последовательно провести протестантского принципа цезаропапизма, то противоречие веры и практики, внесенное церковной реформой Петра, не могло не действовать деморализующе на нашу религиозную жизнь.

Здесь вопрос идет не о личной религиозности Петра Великого. Несмотря на кощунственные пародии церковной иерархии с «князем папой» во главе, он без сомнения верил в Бога и во Христа Спасителя.

...Понимания Церкви у него не было, а с этим невозможно было понимание и собственной власти, как русского монарха. В своем отношении к Церкви он подрывал самую существенную основу своей власти — ее нравственно-религиозный характер.

Та же самая точка зрения, которая позволила Петру совершить ломку церковного управления, проявлялась и в его отношениях к религиозной жизни русского народа вообще. Не входя в анекдотические подробности, вспомним какие черты деспотизма в сфере религии хранит наше полное собрание законов.

...Так, например, № 3910 — запрещено ходить из церкви с образами на дом. В 1725 году запрещено ходить священникам со святой водой по домам (кроме Рождества).

Мудрено ли, что старообрядцы искренно сочли Петра Антихристом? А какой смысл могло иметь в интересах монархии подобное гонение на религиозные потребности народа? Понятно — ни малейшего.

...Правда, личная вера православных императриц, которые, как Елизавета Петровна, сами ходили на богомолье к неуважаемым Петром святыням, уничтожила такие возмутительные меры, как запрещение домашних богослужений (тем более что все эти запрещения всеми нарушались), однако общий дух самовольного распоряжения государственной власти церковным управлением остался, можно сказать, навсегда или по крайней мере до сих пор.

...Без сомнения, только чрезвычайное непонимание идеи своей власти могло двинуть Петра на путь такого отношения к народной вере и поставить Церковь, как неоднократно выражались, в «вавилонское пленение». Но то же непонимание видно в некоторых действиях Петра и в чисто государственной области. Так, он сам уничтожил правильное престолонаследие. Здесь мы замечаем снова общую черту деятельности Петра: случайное, чисто личное затруднение в отношении царевича Алексея, заставляет Петра возвести в принцип то, что могло быть еще кое-как понято разве как неизбежное нарушение принципа.

Устав Петра о престолонаследии, изданный притом уже после смерти его несчастного сына, называет, наследие престола старшим сыном «недобрым обычаем» и устанавливает, «дабы сие было всегда в воле правительствующаго государя — кому оный хочет, тому и определит наследство» [Соловьев, «История России», книга IV, 839-840]. Как известно, Россия расплатилась за такие правила Петра полустолетием государственных переворотов, в которых монархия уцелела только благодаря народу, продолжавшему считать законом не то, что приказал Петр, а то, что было в умах и совести монархического сознания народа.

...Петру наш Свод Законов обязан несколькими определениями монархической власти. Иногда они очень хороши, но в этих случаях Петр лишь повторяет народные афоризмы, не обнаруживая при этом никакой более глубокой мотивировки.

...В Духовном Регламенте выражено:

«Монарха власть есть самодержавная, которой повиноваться Сам Бог за совесть повелевает».

...Но действительно замечательным памятником Петра должно признать установленную им формулу присяги. Здесь Петр формулировал то, что у него всегда велико, — личное его монархическое ощущение своей связи с подданными. Формула эта, полагаю, ни в каком законодательстве не имеет ничего высшего по глубине монархического сознания.

В ней подданный, независимо от своего ранга и сословия, обещает: «Верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови, и все ко высокому Его Императорского Величества самодержавству, силе и власти принадлежащая права и преимущества, узаконенные и впредь узакон-

няемые, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и притом по крайней мере стараться споспешествовать все, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может. О ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать тщатися, и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, и поверенный и положенный на мне чин, как по сей (генеральной) так и по особой определенной, и от времени до времени Его Императорского Величества, именем от предуставленных надо мною начальников, определяемым, инструкциям и регламентам и указам, надлежащим образом по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства и дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать, и таким образом себя вести и поступать, как верному Его Императорского Величества подданному благопристойно есть и надлежит» [Списано по присяжному листу «Клятвенное обещание» 1894 г., Октябрь, присяга нынешнему Государю. (В Основн. Зак. Прилож. V)].

В этом замечательном документе безусловная подчиненность подданного превращается в его нравственное причастие власти Государя. И Катков, впоследствии правильно говорил, что в присяге — наша «конституция», по которой мы имеем «больше, чем политические права, мы имеем политические обязанности».

...Но когда Петр начинает объяснять свои права, то говорит иногда нечто совершенно несообразное с тем чувством, которое подсказало ему формулу присяги. Он обращает себя в абсолютного монарха, а подданных в каких-то безгласных рабов, даже хуже — в нечто политически несуществующее.

В знаменитой «Правде воли монаршей», составленной по поручению Петра Феофаном Прокоповичем, теоретические основы монархии излагаются по Гуго Грецию и Гоббсу. И утверждаются на договорном происхождении государства. Эта «Правда» утверждает, будто бы российские подданные должны были вначале заключить договор между собой, а затем народ «воли своей отрекся и отдал ее монарху».

...Появление абсолютистской точки зрения при Петре подтверждается, таким образом, не только действиями его, но и законодательными формулировками, т. е. поставлено в обязательное руководство подданным. Но все это только по бессознательности. При Петре же, в величайшем акте абсолютистского произвола — в Духовном Регламенте — объясняется, что «правление соборное совершеннейшее есть и лучшее, нежели единоличное правительство», так как, с одной стороны, «истина известнее изыскуется соборным сословием, нежели единым лицом», с другой стороны, даже «вяще (т. е. сильные) ко уверению и повиновению преклоняет приговор соборный, нежели единоличный указ».

...Поверив этим заявлениям Верховной власти, народ мог бы только спросить себя: зачем же ему «отречься своей воли», если «соборное правительство лучше

единоличного» и если «соборный приговор» возбуждает больше доверия и больше побуждает к повиновению, нежели единоличный указ?

Очевидно, ничего подобного нельзя было бы написать даже при малейшей ясности монархического сознания. Время Петра в этом отношении составляет огромный регресс сравнительно с московской монархией».

*(Тихомиров Л.А. Монархическая государственность.
М. 1998. С. 203–210.)*

Из обзора оценок деятельности Петра I советского историка КАФЕНГАУЗА Бернгарда Борисовича, 1940 г.

Реформы Петра издавна являлись предметом страстных споров в русской публицистике и в исторической литературе. Каждое поколение, каждое политическое и научное направление пыталось по-своему подойти к пониманию этой сложной эпохи. Тотчас после смерти Петра его ближайшие сотрудники, как Феофан Прокопович или Неплюев, пытавшиеся дать оценку эпохи, заполняли свои литературные произведения выражениями восторга перед личностью Петра и его деятельностью. Но и три десятилетия спустя крупнейший представитель русской культуры XVIII в., гениальный ученый М. В. Ломоносов дал высокую оценку деятельности Петра. В «Слове похвальном Петру Великому» (1755 г.) Ломоносов, перечисляя заслуги Петра, останавливается на создании регулярной армии, на его победах над шведами в Северной войне, отмечает реформы государственного устройства, заботы о просвещении; он ставит в заслугу Петру умножение государственных сборов, называя подушную подать «легкой». Ломоносов подчеркивает, что Петра видели «меж рядовыми солдатами» «в своем сообществе за одним столом», что он сам трудился «как мастер», копал рвы «как рядовой солдат», сам строил корабли, вместе с тем «воем повелевая как государь». Ломоносов указывает, что Петру приходилось преодолевать на каждом шагу в своей деятельности препятствия и упорную вражду. Он заключает свою характеристику эпохи замечанием, что не находит никого из исторических деятелей, с кем он мог бы сравнить Петра¹. Беспредельный восторг по адресу своего «ироя» высказывает также Иван Голиков, составитель «Деяний Петра Великого», обширного сборника первоисточников по этой эпохе (30 томов).

Представитель следующего после Ломоносова поколения, историк, сенатор и публицист кн. Щербатов дал свою оценку реформ Петра. Идеолог аристократии, он ставил в укор Петру его табель о рангах, давшую разночинцам возможность выслужить дворянское звание; в Екатерининской комиссии 1767 г. Щербатов возражал против признания дворянских прав за лицами, получившими дворянство согласно петровской

1 Ломоносов М.В. Сочинения М.В. Ломоносова. Т. 1-5. СПб. 1891–1902. Т.4.

табели и вместе с тем защищал крепостную зависимость крестьян. Щербатов видел в эпохе Петра начало последующего «повреждения нравов», источник роскоши и связанного с нею разорения дворянства, ослабления семейных уз и т. п. Но при этом и Щербатов считает, что реформа была необходима. Он защищает насильственный характер преобразований, указывает на важность устройства войска и флота, организации фабрик. Без «самовластия» Петр не мог, бы осуществить реформы. Предоставленная сама себе Россия совершенствовалась бы крайне медленно и, по расчетам Щербатова, достигла бы того же уровня лишь через семь поколений, к 1892 году¹. Устами М. Щербатова говорило родовитое дворянство, сознававшее связь дворянской монархии XVIII в. с эпохой Петра и стремившееся усилить и укрепить свое господство.

Критика петровских преобразований с точки зрения революционера XVIII в. была дана Радищевым. Он видел в Петре — великого преобразователя и победителя Карла XII и вместе с тем «столь властного самодержавца, который истребил последние признаки дикой вольности своего отечества». По его словам, Петр мог быть более славен, «утверждая вольность частную», но при этом Радищев указывает, что нет примера, «чтобы царь упустил добровольно что ли из своей власти»².

Большого внимания заслуживает отношение Н.М. Карамзина к преобразованиям Петра. В «Письмах русского путешественника» (1790) с точки зрения просветительских идей XVIII в. он высказывает сочувствие реформам Петра. Он говорит, что «путь образования или просвещения один для народов: все они идут им вслед друг за другом. Иностранцы были умнее русских, итак надлежит от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытами». «Все народное ничто перед человеческим», — восклицает он в оправдание западничества Петра. Однако 20 лет спустя Карамзин выразил иной, определенно отрицательный взгляд на значение деятельности Петра. В его «Записке о древней и новой России» (1811 г.) впервые дана резкая и законченная критика петровских реформ, во многом предвосхитившая взгляды славянофилов первой половины XIX в. В этом публицистическом произведении Н. Карамзин упрекает правительство Александра I за «излишнюю любовь его к государственным преобразованиям, которые потрясают основу империи». Основной тезис Записки — защита самодержавия от подготавливаемых реформ Сперанского. Карамзин хочет подкрепить историческими примерами свою реакционную программу. Он видит заслугу Петра в завоевании Прибалтики, в учреждении флота, мануфактур, училищ и Академии. Но при этом Карамзин указывает на «вредную сторону его блестящего царствования» — страсть к новым обычаям, которая переступила в нем «границы благоразумия». Он обвиняет Петра в потере национального чувства, приведшей к подражанию Западу. «Мы стали гражданами мира, — говорит Н. Карамзин — но перестали быть в некоторых случаях гражданами России: виною — Петр». Он, «увидев Европу, захотел сделать Россию Голландиею». Карамзин укоряет Петра за введение иноземного платья, порчу языка, замену боярской думы

1 Щербатов М.М. Сочинения. Т. 1-2 СПб. 1896-1898. Т. 2. С. 13-22.

2 Радищев А.Н. Письмо к другу, жительствующему в Тобольске // Радищев. Полное собрание сочинений. Т. 1-3. М.; Л. 1938-1952. Т. 1. С. 151.

Сенатом, возражает против построения новой столицы «на северном крае государства, среди зыбей болотных» и т. д. Европеизация дворянства привела лишь к отрыву его от низших сословий. Он ставит в упрек Петру насильственный характер его преобразований, «ужасы самовластия». Он предпочитает консерватизм Московского государства, где «изменения делались постепенно, тихо, едва заметно, как естественное возрастание, без порывов и насилия»¹. В своей «Записке» Карамзин, напуганный французской революцией и крушением феодализма в ряде стран Западной Европы, выражал интересы реакционного дворянства периода разложения феодально-крепостного строя в России, когда правящий класс уже опасался приближавшегося крушения своего господства. Славянофилы впоследствии немного прибавили к аргументам Карамзина.

Один из основателей славянофильства, И. Киреевский, весьма положительно оценивал деятельность Петра и подчеркивал, что просвещением «обязаны мы Петру»². Но в этом отношении более характерны для славянофилов взгляды К. Аксакова. Он усматривал резкое различие между историей России и Западной Европы. В древней Руси он видел «святые начала» — общину, смирение, внутреннюю правду, добровольное подчинение народа государству; поэтому русская история «может читаться как жития святых». Но затем, при Петре, государство совершает переворот, «Петр захотел образовать могущество и славу земную, захотел, следовательно, оторвать Русь от родных источников ее жизни, захотел столкнуть Русь на путь Запада, путь... ложный и опасный». Петр «вводит подражательность чужим краям, Западной Европе... Переворот сопровождается насилием... Россия разделилась надвое и на две столицы. С одной стороны государство с своей иностранной столицей Санкт-Петербургом; с другой стороны — земля, народ, с своей русской столицей — Москвой»³. Реакционный дворянский смысл этой защиты превратно понятой московской старины вполне ясен. Славянофилы понимали, что история Западной Европы проникнута «войной классов». Об этом писали еще Гизо и Тьерри. И в западническом характере петровских преобразований им чудилась будущая угроза самодержавию и дворянскому господству⁴.

Западники 30–40х годов горячо спорили со славянофилами. П. Чаадаев, в молодости связанный с декабристами, видел в допетровской Руси лишь варварство или чистый «лист белой бумаги», на котором начал чертить только Петр. Он считал, что реформы Петра необходимы для страны и были вызваны настоящей потребностью: «Если бы Петр Великий не явился, то, кто знает, может быть, мы были бы теперь шведской провинцией»⁵. В пику славянофилам Чаадаев восклицает: «Я люблю мое отечество, как Петр Великий научил меня любить его. Мне чужд, признаюсь, этот блаженный

1 Карамзин Н. Записка о древней и новой России / Под ред. В. Сиповского. СПб. 1914. С. 22–32.

2 Киреевский И.В. Полное собрание сочинений / Под ред. [и с предисл.] М. Гершензона. Т. 1–2. М. 1911. Т. 1. С. 105.

3 Аксаков К. Сочинения. Т. 1. 1882. С. 53.

4 Плеханов Г.В. Погодин и борьба классов // Плеханов Г.В. Полное собрание сочинений в 24-х томах. Л. 1923–1928. Т. 23; Плеханов Г.В. И. В. Киреевский // Там же С. 106.

5 Чаадаев П.Я. Сочинения и письма / Под ред. М. Гершензона. Т. 1–2. М. 1913–1914. Т. 2. С. 243.

патриотизм, патриотизм лени, который приспособляется все видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями»¹.

Белинский и Герцен не раз подчеркивали прогрессивное значение эпохи Петра. В двух статьях по поводу второго издания «Деяний Петра Великого» Ивана Голикова Белинский отмечает стремление Петра к европеизации страны и выдвигает его роль в военной Истории России. «Мы избалованы нашим могуществом, оглушены громом наших побед, — писал Белинский, — привыкли видеть стройные громады наших войск и забываем, что всему этому только 132 года (считая от победы под Лесной — первой великой победы, одержанной русскими регулярными войсками над шведами). Мы как будто все думаем, что это было у нас искони веков, а не с Петра Великого. Мы уже забыли и то, что при Петре Великом у России явился опасный сосед Карл XII, которому нужны были и люди и деньги и который умел бы распорядиться и тем и другим».

Белинский рассматривает эпоху Петра как «ужасную бурю», и в его преобразованиях видит революционный переворот: «Он понял, что полумеры никуда не годятся и только портят дело; он понял, что коренные перевороты в том, что сделано веками, не могут производиться вполнину, что надо делать или больше, чем можно сделать, или ничего не делать и понял, что на первое станет его сил». И по поводу огромных жертв при строительстве Петербурга Белинский замечает: «Когда же и где великие перевороты совершались тихо без отягощения современников?».

Белинский обращается по адресу славянофилов со страстной тирадой: «Да, господа защитники старины, — говорит он, — воля ваша, а Петру Великому мало конной статуи на Исаакиевской площади: алтари должно воздвигнуть ему на всех площадях и улицах великого царства русского»². В этих статьях Белинский прозрачно намекал на необходимость ломки всех устоев николаевской монархии. Дальнейшее печатание статей было прекращено по цензурным условиям («по независящим от редакции причинам»). Более полно Белинский мог раскрыть свою мысль лишь в письмах. В письме к Анненкову, в 1848 г., говоря о будущем освобождении крестьян, он восклицает: «России нужен новый Петр Великий»³. Неудивительно поэтому, что он в другом письме, к Кавелину, говорил: «Для меня Петр — моя философия, моя религия, мое откровение во всем, что касается России. Это пример для великих и малых, которые хотят что-нибудь делать; быть чем-нибудь полезным»⁴.

Эти мысли полностью мог раскрыть только Герцен в заграничной печати. Герцен рассматривал петровскую эпоху (разумеется, совершенно неправильно) как революцию сверху и называл Петра «коронованным революционером». Призыв к революции в настоящем связывается у Герцена с прославлением Петра: «К концу XVII века на престоле

1 Там же. С. 226.

2 Белинский В.Г. Полное собрание сочинений / Под редакцией и с примечаниями С. А. Венгерова Т. 1-12. СПб. 1900–1948. Т. 6. С. 190, 193.

3 Белинский В.Г. Письма. / Ред. и примеч. Е.А. Ляцкого. Т. 1–3. СПб. 1914. Т. 3. С. 338.

4 Там же. Письмо к Кавелину. С. 300.

царей появился смелый революционер, одаренный обширным гением и непреклонной волей, — писал Герцен, — это деспот по образцу комитета общественного спасения»¹. Наперекор славянофилам, видевшим в петровских преобразованиях измену национальным началам, Герцен называет Петра «истинным представителем революционного принципа, скрытого в русском народе». Поэтому «петровский период — По его словам — сразу стал народнее периода царей московских. Он глубоко взошел в нашу историю, в наши нравы, в нашу плоть и кровь»².

Следующее поколение революционеров, разночинцы–просветители Чернышевский и Добролюбов, отказались видеть в этой эпохе революцию. Еще в 1847 г. западник и либерал Кавелин писал, что «эпоха реформ наступила у нас не внезапно; она приготовлена всем предыдущим бытом». Он отрицал за ней значение революционной перестройки³.

Революционеры–просветители 50х годов сохранили высокое представление о значении петровских преобразований. Н. Чернышевский говорил: «для нас идеал патриота — Петр Великий, высочайший патриотизм — страстное беспредельное желание блага родине, одушевлявшее всю жизнь, направлявшее всю деятельность этого великого человека». Перед своими современниками Чернышевский ставил задачу — «содействие, по мере сил, дальнейшему развитию того, что начато Петром Великим»⁴. Но следует подчеркнуть, что Чернышевский был противником идеализации петровских реформ, в чем он упрекал Белинского и его друзей.

Важно понять новую постановку вопроса у Н. Добролюбова, который в своих статьях подверг критике «Историю царствования Петра Великого» Устрялова. Основная мысль Добролюбова в том, что крупная историческая личность не является основным фактором истории — первое место принадлежит народу. «Только тогда человек может заставить людей сделать что-нибудь, когда он является как бы воплощением общей мысли, олицетворением той потребности, которая выработывалась уже предшествующими событиями». С этой точки зрения на историю он рассматривает и петровскую эпоху: «Петр разрешал вопросы, давно уже заданные самою жизнью народною — вот его значение, вот его заслуги». Поэтому Добролюбов считал, что «нововведения Петра не были насильственным переворотом». Вместе с тем он видит заслугу Петра в «твердом и неотступном преследовании своих целей»; «нужна была гениальная решимость, непоколебимая твердость воли в борьбе с препятствиями»⁵.

1 Герцен. А.И. О развитии революционных идей в России // Герцен А.И. Полное собрание сочинений и писем / Под ред. [и с предисл.] М.К. Лемке. Т. 1-8. Петроград. 1915–1917. Т. 6. С. 325–328

2 Герцен. А.И. Полное собрание сочинений и писем / Под ред. [и с предисл.] М.К. Лемке. Т. 1-8. Петроград. 1915–1917. Т. 6. С. 325; Т. 8. С. 432–433.

3 Кавелин К.С. Взгляд на юридический быт древней Руси. 1897. С. 58

4 Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода. Полн. Собр. соч. СПб. 1906. С. И, 120, 122.

5 Добролюбов Н. Первые годы царствования Петра Великого. Т. 3. СПб. 1936. С. 129, 137, 169, 184, 196.

У С. Соловьева мы видим этот новый, более научный взгляд, развернутый на конкретном историческом материале. В «Истории России» Соловьев еще называет петровскую эпоху «нашей революцией XVIII века», сравнивает ее с политической революцией во Франции. Но вместе с тем Соловьев рассматривает исторический процесс как органическое развитие народной жизни, естественное и необходимое, он видит в эпохе преобразований не разрыв с прошлым, а «необходимое следствие всей предшествовавшей нашей истории»¹. Соловьев дает чрезвычайно высокую оценку петровским преобразованиям, рассматривает их как дело всего народа: «Никогда ни один народ не совершал такого подвига как русский народ, под руководством Петра». С наибольшей полнотой взгляд Соловьева на эпоху преобразований выразился позднее в «Публичных чтениях о Петре Великом» (1872). Здесь значительно сильнее подчеркнута органичность и преемственность развития, хотя оно рассматривается чисто идеалистически. Однако наряду с идеалистическим построением «Публичные чтения» содержат весьма ценные соображения. Соловьев рассматривает преобразования как обусловленные предшествующим развитием народа. В особенности он подчеркивает экономическую отсталость Московского государства, бедность страны, слабую заселенность и господство крепостного права. Важнейшее место среди петровских преобразований, по его мнению, занимают экономические перемены: «дело должно было начаться с преобразования экономического; государство земледельческое должно было умерить односторонность своего экономического быта усилением Промышленного и торгового движения и для этого прежде всего добыть себе уголок у Северного Средиземного (Балтийского) моря»². По мнению Соловьева, потребность экономического преобразования была «на первом месте», Россия при Петре производила «у себя экономический переворот», развивая город, торговлю, промышленность. Здесь уже отсутствует прежнее сравнение с политической революцией, вместо этого петровские преобразования сравниваются с другой эпохой: «Франция с Кольбером в челе и Россия с Петром Великим в челе действовали одинаково». Конечно, следует помнить, что при этом Соловьев остается идеалистом; реформы начались, по его словам, «с сознания» своей хозяйственной отсталости; «бедный народ сознал свою бедность и причины ее через сравнение себя с народами богатыми» и в силу этого перешел к экономическим преобразованиям. В основе исторической жизни у Соловьева остается сознание. Все же нельзя не признать ценности построений С. Соловьева и их оригинальности для своего времени. В «петровском экономическом перевороте», по Соловьеву, были даны «средства для «освобождения села чрез поднятие города»³. Таким образом, этот буржуазный историк рассматривал эпоху Петра с точки зрения создания некоторых условий для будущего освобождения крестьян. Роль Петра, как исторической личности, Соловьев ограничивает определенными пределами, так как на первый план выдвигает значение народа. Не преувеличивая роли великих людей, он видит вместе с тем в Петре народного вождя и рисует

1 Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 1-6. СПб. 1895–1896. Т. 3. С. 1055.

2 Соловьев С. Публичные чтения о Петре Великом. Собр. соч. СПб. 1903. С. 993.

3 Там же. С. 1109.

красивый образ: «народ поднялся и собрался в дорогу, но кого-то ждали; ждали вождя — вождь явился»¹.

В. О. Ключевский удержал из концепции своего учителя главным образом идею органической связи древней и новой России и пошел в этом отношении еще дальше Соловьева. Он начинает новый период в истории России с начала XVII столетия, а не с эпохи преобразований, как Соловьев, чем еще более сглаживает различия между обоими периодами. Более уклоняется Ключевский от Соловьева в определении сущности реформ. Исходя из буржуазной чичеринской схемы о первенствующем значении государства, он считает, прежде всего, что Северная война «вызвала и направляла реформу». Второй важнейшей чертой эпохи он признавал финансовую реформу: «Война была главным образом движущим рычагом преобразовательной деятельности Петра, военная реформа ее начальным моментом, устройство финансов ее конечной целью». Напротив, народнохозяйственные явления, рост промышленности и торговли при Петре, довольно подробно изложенные в его курсе, Ключевский рассматривал только как следствия реформы, хотя и признавал, что Петр в стремлении поднять производительные силы страны «стоит одиноко в нашей истории». Но в этой стороне преобразований, по его мнению, Петр видел лишь источник государственного дохода и имел в виду дать народным массам «возможность нести усиленные государственные тяготы»². Наряду с неправильной трактовкой экономических явлений, как производных, у Ключевского, конечно, отсутствует также изображение классово-войсковой борьбы.

П. Милюков, этот идеолог российского империализма, воспринял некоторые черты концепции Ключевского. Милюков собрал огромный материал по истории финансов и администрации при Петре, но сделал из него совершенно превратные выводы. По его мнению, внешнеполитические задачи эпохи — завоевание берегов Балтийского моря — не соответствовали экономическим потребностям отсталой страны и поэтому привели будто бы «лишь к отрицательным последствиям». «Новые задачи внешней политики свалились на русское население в такой момент, когда оно не обладало еще достаточными средствами для их исполнения. Политический рост государства опять опередил его экономическое развитие... Ценой разорения страны Россия возведена была в ранг европейской державы»³. Таким образом, в глазах Милюкова грандиозная внешняя политика Петра нисколько не обусловлена состоянием производительных сил, напротив — она будто бы стояла в резком противоречии с ними. Буржуазное представление о господствующей роли государства в русской истории, полный отрыв политических явлений от экономики связан у Милюкова с резкой критикой приемов и итогов преобразовательной деятельности Петра. Милюков говорит, что реформа страдала «отсутствием плана и системы», деятельность Петра напоминает ему «расто-

1 Там же. С. 1101.

2 Ключевский В. Курс русской истории. Т.4. М. 1915. С. 81–82, 141, 167, 284.

3 Милюков П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб. 1905. С. 546. Это — дальнейшее развитие мысли Ключевского, который говорил, что «внешние опасности государства опережали естественный рост народа». (Ключевский В. Курс русской истории. Т. 4. М. 1915. С. 274).

тельность природы в ее слепом, стихийном творчестве, а не политическое искусство государственного человека»¹. В военной истории эпохи он подчеркивал Нарвское поражение и неудачу Прутского похода; Полтавскую победу относит лишь за счет ошибок Карла XII, и только вскользь указывает, что «завоевание моря он (Петр) сделал и сумел отстоять, хотя конечно и тут — полное разорение завоеванного побережья не свидетельствует об обдуманной программе завоеваний». Так же пренебрежительно отзывается он о создании армии и флота, отмечая «скудость результатов сравнительно с грандиозностью затраченных средств». Реформа государственных учреждений носит «печать торопливости, отрывочности и бессвязности». Строительство фабрик при Петре он называет совершенно беспочвенным на том основании, что многие из них закрылись. Говоря о личности Петра, он отмечал примитивность и грубость его натуры, хотя должен был признать в нем «избыток воли и сильное чувство долга»².

После Карамзина и славянофилов не было более злобной характеристики петровской эпохи, более извращающей историческую действительность, чем эти высказывания лидера русской буржуазии. Следует заметить, что эта оценка личности Петра встретила решительные возражения со стороны Н. Павлова-Сильванского и С. Платонова³. Основной тезис Милюкова относительно сильнейшего разорения страны в результате Северной войны был подвергнут основательной критике в книге М. Клочкова «Население России при Петре I» (СПб., 1911)...

(Кафенгауз Б.Б. Реформы Петра I в оценке М.Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского: Сб. ст. М.; Л. 1939–1940. Т. 2. С. 140–176.)

1 Милюков П. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. Вып. 1. СПб. 1909. С. 163–164.

2 Милюков П. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. Вып. 1. СПб. 1909. С. 143–167; Т.1. СПб. 1989. С. 81.

3 Платонов С. Петр Великий. СПб. 1928.